

ЭММА ДОНОХЬЮ

ПАДШАЯ
ЖЕНЩИНА

Роман

От автора мирового
бестселлера «КОМНАТА»

fiction

Эмма Донохью
Падшая женщина

«Центрполиграф»

2000

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Донохью Э.

Падшая женщина / Э. Донохью — «Центрполиграф», 2000

ISBN 978-5-227-07444-7

Действие романа происходит в Лондоне в середине восемнадцатого века. Жизнь Мэри Сондерс, девочки из бедной семьи, сера и безрадостна. Ее невинное желание иметь хоть что-нибудь яркое — например, красную ленту — приводит к необратимым последствиям. В совсем еще юном возрасте Мэри становится проституткой и неожиданно узнает, что такое настоящая свобода, недоступная добродетельным женщинам. И все же опасность, которой она подвергается, заставляет девушку искать прибежища в небольшом городке Монмуте. Мэри становится служанкой, а затем и помощницей швеи в семье Джонс. Миссис Джонс питает к ней искреннюю привязанность, однако Мэри, движимая мечтами о лучшей доле и желанием скопить побольше денег, тайно возвращается к прежнему ремеслу. Она руководствуется тремя правилами, выученными на улицах Лондона: никогда не расставайся со своей свободой, женщину делает одежда и одежда — это самый большой обман на свете. В конце концов именно тяга к красивым платьям и приводит ее к катастрофе.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07444-7

© Донохью Э., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Лондон	8
Глава 1. Красная лента	8
Глава 2. Магдалина	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эмма Донохью

Падшая женщина

Copyright © Emma Donoghue 2000

© Перевод, «Центро лиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрополиграф», 2017

Пролог

Когда-то жил на свете сапожник по имени Коб Сондерс, который умирал целых одиннадцать дней. По крайней мере, так это запомнилось его дочери.

В 1752 году от Рождества Христова было объявлено, что за вторым сентябрю наступит сразу четырнадцатое. Конечно, это была всего лишь формальность; время как таковое не могло подвергнуться никаким изменениям.

Переход на новый календарь должен был наконец приблизить королевство Великобритания к соседям; неудобство и некоторая путаница – разве это большая цена за такое важное достижение? Лондонские газеты напечатали остроумные стишки об «истреблении» времени, но тем не менее никто не усомнился в правильности принятой правительством реформы. И никто не удосужился объяснить ее смысл незначительным людишкам вроде Коба Сондерса.

Он понимал только одно: это несправедливость. Одиннадцать дней с шилом в руках, за которые никто не заплатит. Одиннадцать ужинов, выхваченных у него из-под носа. Одиннадцать украденных ночей, когда он не сможет с наслаждением повалиться на свой набитый соломой тюфяк.

Четырнадцатого сентября – по новому стилю, как они это называли, – Коб Сондерс проснулся с гудящей головой и с осознанием того, что пропали одиннадцать дней его жизни. Нет, не пропали. Его ограбили. Вырезали эти дни из его существования, как вырезают червячка из яблока. Он понятия не имел, куда они подевались и как можно вернуть их обратно. Когда Коб пытался об этом думать, он чувствовал, что голова готова расколоться на куски. Он стал на одиннадцать дней ближе к смерти и ничего не мог с этим поделать.

А может быть, и мог. Когда разразились «календарные беспорядки» и толпы вышли на улицы, Коб Сондерс примкнул к ним всей душой и телом, подбросив свою порцию ярости в общий костер. Его голос звучал в хоре других таких же голосов: «Верните нам наши одиннадцать дней!»

Правительство проявило милосердие; Коб Сондерс не был казнен. Он умер в тюрьме от сыпного тифа.

В том году Рождество пришло на одиннадцать дней раньше. Воздух гудел от звона церковных колоколов, и пятилетняя дочь сапожника Мэри сидела на корточках возле окна, ожидая снега. Он так и не выпал.

Одиннадцать лет спустя Мэри Сондерс вот так же сидела на корточках, но уже в тюрьме.

Каков отец, такова и дочь.

Ночная камера в монмутской тюрьме имела двадцать два фута в длину и пятнадцать футов в ширину. Мэри измерила ее шагами в самую первую ночь. Четыре стены, ни одного окна. Мужчины и женщины, все вперемешку, ожидали весенней судебной сессии. Они жили как крысы. Некоторых заковывали в цепи после заката, и не обязательно убийц. Мэри не находила этому никаких разумных объяснений.

В темноте, как она узнала позднее, могло случиться все. Изнасилование – и только чьи-то хрипы нарушали тишину. Избиение – и ничего, кроме звуков смачных ударов. Соломы не было, и в углах высились кучи дерьма. Воздух был тяжелым и плотным, как земля. Однажды утром старого валлийца нашли лежащим лицом вниз, он не шевелился. Но ничто не могло удивить или напугать Мэри Сондерс. Ничто не могло проникнуть вглубь ее души.

В сентябре было гораздо хуже. Ночи были невыносимо жаркими, вокруг звенели комары, и стражники не приносили воды.

Однажды перед рассветом пошел дождь, такой сильный, что отдельные струйки просочились сквозь трещины в потолке, и заключенные хохотали как безумные и лизали стены.

Теперь было Рождество. По утрам их переводили в дневную камеру. Мэри Сондерс сидела неподвижно, как статуя, день за днем, час за часом. Если не шевелиться, то не будешь ничего чувствовать. Ее ладони покоились на ткани грубого коричневого платья, что выдали ей в тюрьме три месяца назад. На ощупь она была как мешковина, жесткая от грязи. Ее глаза не отрывались от забранного решеткой окна. В белом морозном небе, глухо каркая, носились вороны; они улетали куда-то в сторону Уэльса, и Мэри следила за ними взглядом.

Другие узники вскоре привыкли относиться к лондонской девчонке так, будто ее нет. Их грязные песенки не достигали ее ушей; сплетни были так же непонятны, как чужестранная речь. Их совокупления значили для Мэри не больше, чем мышиная возня.

Если брошенные кости случайно попадали на ее колени, она даже не вздрагивала. Когда мальчишка вытащил у нее из руки голубоватую от плесени горбушку хлеба, Мэри Сондерс только сжала пальцы и закрыла глаза. Она собиралась умереть в тюрьме, как ее отец.

Но однажды утром она вдруг почувствовала странное шевеление в груди, как будто кто-то потянул за ниточку тугого клубка, в который превратилось ее сердце. В воздухе, словно облако, стоял крепкий запах джина. Мэри открыла глаза и увидела согнувшуюся над ней воровку-карманницу. Осторожно, кончиками пальцев, та вытаскивала из корсета Мэри полинявшую красную ленту.

– Это мое, – хрипло сказала Мэри. Она совсем отвыкла говорить, и ее голос как будто заржавел. Одной рукой Мэри перехватила ленту, а другой вцепилась в мягкое горло старухи. Ее пальцы все глубже впивались в серую дряблую плоть; воровка захрипела, задергалась и попыталась вырваться.

Мэри отпустила старуху и вытерла руку о платье. Потом она намотала ленту на палец, сделав из нее плотное колечко цвета запекшейся крови, и снова сунула ее за корсет. Лента должна была находиться именно там.

Часть первая. Лондон

Глава 1. Красная лента

Когда Мэри Сондерс увидела ленту первый раз, она была ярко-алой. Это было в Лондоне в 1760 году, и Мэри было тринадцать лет. Широкая атласная полоска была в точности такого же цвета, как маки, что росли на полях Лэмз-Кондуит-Филдс на окраине Холборна, там, где практиковались в стрельбе лучники. Лента была продета в серебряные волосы девицы, которую Мэри всегда искала глазами, когда проходила по Севен-Дайлз.

Мать Мэри – выйдя замуж во второй раз, за угольщика, она стала зваться Сьюзан Дигот – сто раз говорила Мэри, чтобы она не ходила через Севен-Дайлз, когда возвращается домой из благотворительной школы. *Яма, где собираются все самые мерзкие отбросы Лондона*, – так называла мать этот перекресток. Но ее предостережения не пугали, а притягивали Мэри к Севен-Дайлз, словно горящий камин в холодную зимнюю ночь.

Кроме того, она никогда не торопилась оказаться дома. Мэри точно знала, какую картинку она увидит, подходя к подвалу на Черинг-Кросс-Роуд, где семья занимала две комнаты. Если на улице было еще светло, у низкого грязноватого окошка всегда сидела Сьюзан Дигот, окруженная волнами дешевого полотна, словно обломок корабля, тонущий в бурном море. В шершавых пальцах она держала иглу, подрубая, сшивая, простегивая бесконечные лоскуты материи. В корзине вопил новорожденный ребенок. Сидеть и стоять было негде; Мэри либо загораживала свет, либо мешала пройти. В ее обязанности входило менять грязные, дурно пахнущие пеленки младенца; жаловаться при этом не полагалось. В конце концов, это был мальчик, их главное семейное достояние. Уильям Дигот – «этот человек», так Мэри про себя называла своего отчима, – возвращался с работы лишь через несколько часов. Ее другой обязанностью было ходить к насосу на Лонг-Акр. Мэри стояла в очереди до самой ночи и возвращалась домой с двумя ведрами воды, чтобы Уильям Дигот мог смыть с черного лица угольную пыль перед тем, как лечь спать.

Неудивительно, что Мэри предпочитала болтаться по Севен-Дайлз. Семь улиц разбегались в разные стороны от большого столба; на прилавках лавочек были навалены груды разноцветных шелков, в бочках бились живые карпы, над головой кричали чайки, а к сюртуку уличного торговца были приколоты ленты и кружева самых разных цветов. Мэри казалось, что она чувствует их на вкус: желтый, как свежее сливочное масло, черный, как чернила, и голубой... На что же был похож голубой? На небесный огонь? Мальчишки вполтину ниже, чем она, курили длинные трубки и сплевывали на мостовую черную слюну, воробьи дрались за крошки от пирога, и Мэри не слышала собственного дыхания, потому что вокруг стоял оглушительный шум: топот десятков ног, грохот телег, звон церковных колоколов, бряцанье колокольчика почтальона, звяканье тамбуринов, свист дудочек, крики разносчиков и продавцов, предлагавших купить лаванду, кресс-салат, творог с простоквашей и все на свете. *Чего желаете? Лучший товар!*

Здесь же торчали и девицы. Всегда две или три на каждом из семи острых углов Севен-Дайлз, с выбеленными лицами и темными, как вишня, губами. Мэри не была дурочкой, она прекрасно знала, что это шлюхи. Они смотрели сквозь нее, как будто не видели, и Мэри нисколько не удивлялась. Что им за дело до долговязой девчонки в сером платье на пуговицах, из которого она так стремительно вырастала, с густыми черными волосами, скрытыми под чепцом? Только одна из них, с отливающей глянцевым блеском лентой в прическе и шрамом, пересекавшим напудренную, белую как мел щеку, всегда улыбалась ей своей странной, кривой улыбкой. Если бы не ужасный рубец, который тянулся от глаза до рта, она была бы

самым прекрасным созданием, которое только доводилось видеть Мэри. Ее юбки были иногда изумрудными, иногда клубнично-красными, иногда фиолетовыми; пышные, как будто надутые воздухом, они окружали ее словно облако, а грудь вздымалась над корсажем, словно пенка на закипающем молоке. Ее высоко взбитые волосы были серебреными, и алая лента в них казалась стружкой крови.

Мэри знала, что шлюхи были низшими из низших. У некоторых был вполне довольный вид, но конечно же они просто притворялись. «Девушка, которая теряет добродетель, теряет все», – сказала однажды мать. Она стояла в дверях; мимо, держась за руки, как раз проходили две девицы. Их розовые юбки раскачивались, как колокольчики. «Все, Мэри, ты меня слышишь? Если не будешь содержать себя в чистоте, никогда не получишь мужа».

Еще они были навеки прокляты. Об этом говорилось в стихах, которые Мэри заставляли учить в школе.

Пьяницы, шлюхи, воры, лгуны
Жариться в пламени ада должны.

Холодными ночами, лежа под тонким потертым одеялом, Мэри любила представлять этот жаркий адский огонь. Вечное пламя! Она складывала ладони и воображала себе все его оттенки.

У самой Мэри не было ни единой цветной вещи, и ее невероятно тянуло ко всему яркому. Если у нее выдавалось свободных полчаса, самым любимым занятием Мэри было побродить по Пиккадилли и поглазеть на магазины. Деревянные вывески раскачивались на цепях; самой роскошной была вывеска золотых дел мастера: огромная позолоченная рука и молоточек. Она останавливалась возле каждой витрины и прижималась лбом к холодному стеклу. Как ярко горели лампы – даже среди бела дня! Как красиво были разложены шляпы, перчатки и туфли, они словно предлагали себя ее взгляду! Штатбеля серебряных, золотых, кремовых тканей громоздились выше человеческого роста. От цветов ее рот буквально наполнялся слюной. Мэри никогда не заходила внутрь – она знала, что ее тут же вытолкают наружу, но смотреть... никто не мог запретить ей смотреть.

Ее собственное платье было тусклого серовато-коричневого цвета – для того, чтобы покровители школы видели, что девочки скромны и послушны, как говорила директриса. То же самое касалось чепцов и пелерин на пуговицах, которые предписывалось оставлять в школе вместе с книгами после уроков. Это делалось для того, чтобы родители не могли их продать. Однажды Мэри попыталась унести домой «Королей и королев Англии», чтобы почитать книгу ночью, в постели, при свете уличного фонаря, но ее поймали у школьных дверей и высекли, так что с ладоней долго не сходили красные отметины. Разумеется, это не остановило Мэри, а только сделало ее более изобретательной. В следующий раз, когда учитель забыл пересчитать книги в конце дня, она засунула «Жития святых мучеников для детей» между ног и вышла из класса маленькими шажками, как будто ее терзала боль в животе. Книгу она так и не вернула. Самой любимой картинкой Мэри была та, где святого поджаривали на огромной сковороде.

Помимо повседневного платья у Мэри было и воскресное, хотя Диготы ходили на службу в церковь Святого Мартина на Полях только дважды в год. Оно давно полиняло и приобрело грязно-бежевый цвет. Хлеб, который ела семья, скрипел на зубах: пекарь добавлял в него мел, чтобы сделать белее. Сыр был бледным и «потел», потому что молоко разбавляли. Если на столе у Диготов появлялось мясо – в те редкие дни, когда матери удавалось в срок закончить очередную порцию шитья, – оно было светло-коричневым, как опилки.

Не то чтобы они были бедняками. У Мэри, ее матери и человека, которого она должна была звать отцом, было по паре собственных башмаков; маленькому Билли тоже должны были справиться пару, если только он не научится ходить слишком рано. Мэри знала, что бедность –

это нечто совсем другое. Бедность – это когда сквозь прорехи в одежде видно голое тело. Или когда щепотку чая заваривают неделями, снова и снова, пока заварка не станет прозрачной, как вода. Или когда человек падает в обморок от голода, прямо посреди улицы. В дыхании мальчика из ее школы, который потерял сознание во время молитвы, чувствовался какой-то особый запах.

– Блаженны кроткие... – произнесла директриса, на секунду умолкла, явно недовольная тем, что ее прервали, и тут же продолжила: – Ибо они наследуют землю.

Но тот мальчик так ничего и не унаследовал, решила Мэри. На следующее утро ему снова сделалось дурно, и после этого он в школу не вернулся.

Да, Мэри знала, что ей есть за что быть благодарной. За кожаные подошвы, предохранявшие ее ноги от холода, за хлеб во рту, за то, что она, в конце концов, ходила в школу. Пусть там было невероятно скучно, но все же это было лучше, чем с восьми лет возить грязной тряпкой по полу в таверне, как девочка из соседнего с ними подвала. Немногие девочки продолжали посещать уроки в возрасте тринадцати лет – большинство родителей считали такое образование излишним. Но самой заветной мечтой Коба Сондерса было, чтобы его девочка научилась читать, писать и считать, – сам он этого не умел, и его вдова, из уважения к покойному, следила за тем, чтобы дочь никогда не пропускала занятий. Мэри была благодарна за все, что имеет, и не нуждалась в постоянных напоминаниях матери.

– Мы справляемся, разве нет? – говорила Сьюзан Дигот в ответ на любую жалобу и направляла на Мэри длинный мозолистый палец. – Мы сводим концы с концами, хвала Создателю.

Когда Мэри была маленькой, она слышала, как Бога называли Господь, и думала, что это тот, на кого работает мать. Каждую неделю мальчишка-посыльный притаскивал целый мешок лоскутов, скидывал его с плеч прямо к ногам Сьюзан Дигот и говорил:

– Господин сказал, что это должно быть готово к четвергу, или плохо вам придется. И больше никаких пятен, а не то он сбросит по два пенса с каждого шиллинга.

С тех пор в голове у Мэри закрепилась мысль, что Господь – это господин, хозяин всех людей и вещей на земле и что в любой момент он может призвать человека к ответу и проверить, как тот обращается с его имуществом.

Ночами ей снилось, как усатый француз преклоняет перед ней колено, а она прячет лицо за жестким кружевным веером. Шлюха со шрамом с перекрестка Севен-Дайлз качала головой, словно береза на ветру, и алая лента падала прямо в руки Мэри. Она была гладкой, как вода.

– Вставай, девочка!

Каждое утро ее будил голос матери. Мэри должна была вылить в сточную канаву наполненный до краев ночной горшок Диготов, раздуть вчерашний огонь в очаге и поджарить на почерневшей вилке тосты.

– Давай-ка поторапливайся. Твой отец не может прохладиться тут весь день.

Как будто он был ей отцом! Доброе отношение Уильяма Дигота к Мэри длилось не дольше, чем его ухаживание за вдовой Сондерс.

– Поди же сюда, разве ты не слышишь, что маленький Билли плачет?

Как будто ей было не все равно!

Мальчик был в десять раз ценнее девочки, Мэри знала это наверняка, хотя никто ей этого не говорил. Однако после рождения сына Сьюзан Дигот, как ни странно, не стала выглядеть более счастливой. Ее локти стали еще острее, а вспышки гнева участились. Иногда она смотрела на свою дочь с настоящей яростью.

– Мне надо кормить четыре рта, – пробормотала она как-то сквозь зубы, – и один из них – здоровой бесполезной девчонки.

Каждое утро, поджидая на углу молочника, – Мэри было велено особенно следить за тем, не кладет ли он в молоко улиток, чтобы оно пенилось, как парное, – она вспоминала самые

приятные события своей жизни. Например, тот раз, когда мать взяла ее с собой, чтобы посмотреть на процессию лорд-мэра или салют на Тауэр-Хилл на прошлый Новый год. За завтраком Мэри макала тосты в большую чашку с чаем, чтобы немного их размочить, и представляла себе свое блестящее будущее. По утрам служанка будет вплетать ей в косы алую ленту, и ее волосы будут блестеть, как уголь. И звуки в ее будущем будут совсем другие, не такие, как здесь: флейты, топот копыт, взрывы серебристого смеха.

Весь день в школе, переписывая с доски пра вила и попутно исправляя ошибки своих соседок, Мэри думала о ярких, волнующих красках. Школьные задания не требовали от нее почти никаких усилий, и это было не слишком хорошо. Директриса говорила, что это гордыня, но Мэри считала нелепостью притворяться глупее, чем ты есть. Всегда, с самого начала занятий, учеба давалась ей чрезмерно легко. Вместе со всеми она повторяла вслух правила и молитвы и воображала себе великолепные платья с фижмами и шлейфами в десять футов длиной. Мэри возвышалась над другими, младшими, девочками почти на целую голову.

На земле мы, чтоб трудиться,
Дети не должны лениться.

Она давно затвердила все эти стихи наизусть, так что теперь могла присоединиться к общему хору в любом месте и думать при этом о чем-то совершенно постороннем. Например, пересказывая «Пять правил спасения души», Мэри твердо решила, что, когда станет взрослой, ни за что не будет носить бежевое. Она гнала от себя мысли о пустом желудке, о Господе всемогущем там, в Небесах, о том, что за бремя он для нее приготовил, и о том, сколько лет ей придется это бремя нести. Ту самую Бессмертную Душу, о которой без конца рассуждали учителя, Мэри без колебаний обменяла бы на крохотную толику красоты. На одну-единственную алую ленту.

В сентябре умер старый король Георг, и его место занял молодой король Георг. Уильям Дигот заявил, что теперь все изменится к лучшему. Этот парень, по крайней мере, родился на английской земле, не как его папаша или дед, «и видит бог, мы достаточно навидались этих немцев и их толстых женушек».

Когда отчим уснул на стуле, Мэри осторожно заглянула в газету, лежавшую у него на коленях. Она подозревала, что Уильям Дигот в состоянии прочитать лишь одно слово из трех и что он всего-навсего с грехом пополам разбирает заголовки и разглядывает картинки. Под подписью «Король Великобритании, Ирландии, Гибралтара, Канады, обеих Америк, Бенгалии, Вест-Индии и курфюрст Ганновера» был портрет молодого короля в полный рост. У него было немного нервное лицо, а ляжки, обтянутые бархатными панталонами, показались Мэри гладкими, как рыбы.

У окна, прикусив губу и сторбившись над шитьем, сидела Сюзан Дигот. Мэри знала, что мать не интересуется политикой. Пределом ее мечтаний было стать настоящей портнихой, кроить изящные юбки и жакеты вместо того, чтобы по двенадцать часов в день простегивать грубые лоскуты размером шесть на шесть дюймов, работать на хозяина, которого она никогда не видела. Сюзан и Коб Сондерс выросли далеко отсюда, в городе под названием Монмут; они приехали в Лондон в 1739 году.

– Почему вы с отцом переехали в Лондон? – спросила Мэри. Она старалась говорить тише, чтобы не разбудить угольщика.

– Откуда у тебя в голове берутся такие вопросы? – Сюзан Дигот на секунду подняла удивленные глаза. Веки у нее были красные. – Мы с Кобом думали найти тут долю получше... а надо было остаться дома. – Ее пальцы, проворные, как мыши, быстро подворачивали край и подрубали ткань. – Это все бесполезно.

– Что – бесполезно?

– Пытаться выбиться в люди, – ровным, бесцветным голосом сказала мать. – Коб и слыхом не слыхивал, что лондонские сапожники давно поделили всех заказчиков. О чем он мечтал, так это о тонкой работе, да только так он ее и не получил. Латать дыры в подметках картоном – вот и все, чего он добился. Ну-ка, сосчитай, сколько здесь штук.

Мэри подошла поближе, опустилась на колени и принялась перебирать квадраты заготовок, подбитые муслином. Когда она думала об отце, то всегда представляла себе такого сапожника из сказки: вот он сидит, поджав под себя ноги, и постукивает маленьким молоточком, забивая крохотные гвоздики в остроносые бальные туфли. Но все это было неправдой. Напрягая память, Мэри видела его таким, какой он был на самом деле. Очень большим. Огромным.

– В Монмуте Коб не вышел бы на улицы и не позволил бы с собой такое сделать, – добавила Сьюзан и скривила рот. – Там такого кровопролития не было.

Мэри попробовала вообразить это – кровь на вымощенных булыжником улицах Лондона. В прошлом году она видела, как бунтовщики пробегали по Черинг-Кросс, мимо их подвального окна. Башмаки стучали по мостовой, и до Мэри доносились крики «Нет папистам!» и звон разбитого стекла.

– Это было как «Нет папистам»? – с интересом спросила она.

Сьюзан Дигот хмыкнула.

– «Нет папистам!» – это чепуха. Календарные беспорядки были куда хуже. Куда хуже! Бедлам и светопреставление. Ты даже представить себе не можешь. – Она замолчала. Слышался только скрип иголки, продеваемой сквозь ткань. – А что случилось со мной? – спросила вдруг мать и уставилась на Мэри, как будто та знала ответ. – Разве не умела я обращаться с иголкой не хуже моей подруги Джейн? И что теперь? Я ломаю пальцы, по целым дням простегиваю эти лоскуты, словно железная машина, а она, как говорят, шьет платья для знати!

Это Мэри вообразила без труда: *платья для знати*, яркие и изысканные, словно сочные фрукты на фарфоровом блюде. И алые ленты – по подолу, по рукавам, на стомакерах¹.

– А почему бы тебе тоже не стать портнихой, мама? – спросила она.

Мать раздраженно прищелкнула языком.

– И что за чушь лезет тебе в голову, Мэри. Я умею только стегать и подрубать, и больше ничего. И где, по-твоему, мне взять денег, чтобы открыть свое дело? И где тут у нас место для мастерской? Да и глаза у меня уже не те, что прежде. Да к тому же в Лондоне полно портних и без меня. С какой стати людям заказывать платье именно у меня?

Ее голос показался Мэри особенно скрипучим. Вечное недовольство. Она попыталась припомнить, когда мать последний раз смеялась.

– Кроме того, – натянуто добавила Сьюзан, – теперь нас кормит Уильям.

Мэри опустила голову, чтобы мать не видела ее лица.

Она была уверена, что они знавали и лучшие времена. Еще раньше, когда Мэри была совсем маленькой, а ее мать звалась миссис Сондерс. Она смутно припоминала картинку: вот она, Мэри, выздоравливает после лихорадки. Она еще слаба; мать держит ее на коленях. Одной рукой она обнимает Мэри, а другой поит ее с ложечки теплым поссетом². Поссет греет ей горло; Мэри чувствует, как тепло постепенно опускается вниз, к животу. Ложечка была оловянной. Где она теперь? Потеряна или заложена? И еще Мэри помнила Коба Сондерса, его крупную фигуру возле окна, стук молотка, быстрый и четкий, как биение сердца. После ужина в его черной бороде оставались крошки; Коб брал дочку на руки, и она, смеясь, расчесывала ее пальцами. Конечно же она это не выдумала. Воспоминание было слишком ярким и живым.

¹ **Стомакер** (наживотник) – деталь одежды, как правило прикреплявшаяся к корсету и платью булавками. Стомакер украшали вышивкой, декоративной шнуровкой, лентами, тесьмой или же каскадом бантов. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² **Поссет** – горячий напиток из молока или сливок с пряностями, створоженный вином или элем.

Мэри знала, что высокий рост, темные глаза и волосы она унаследовала от отца. От матери ей достались только проворные, умелые руки.

Даже еда, казалось ей, в те времена была лучше. Как-то у них выдалась неделя, когда в доме было полно всего. Мать получила деньги за большой заказ, и у них на столе появилось свежее мясо и пиво; от возбуждения и изобильной пищи Мэри вырвало прямо на сорочку, но никто не стал ее бранить.

– Так сколько там? – спросила мать.

Мэри вздрогнула и очнулась. Дневной свет уже почти угас. Она взглянула на гору лоскутов у себя на коленях.

– Пятьдесят три, кажется... или пятьдесят четыре, – неуверенно ответила она.

– Пересчитай еще раз, – сварливо бросила мать. – «Кажется» хозяину не ответишь.

Мэри принялась торопливо перебирать лоскуты, стараясь при этом не запачкать их. Сюзан Дигот склонилась еще ниже. Комнату наполняли сумерки.

– Мама! – спросила вдруг Мэри. У нее появилась новая мысль. – А почему вы не вернулись в Монмут?

Мать пожала плечами:

– Ползти домой на коленях? После всех наших великих планов? Мы с Кобом этого не хотели. Да и он был не из тех, кто отказывается от надежды. Ему нравился Лондон, – презрительно добавила она. – Это ведь он нас сюда притащил.

– Но потом? После смерти отца?

Это было похоже на сказку из книжки. Мэри будто наяву видела себя и мать в черных траурных атласных платьях, в обитой бархатом карете. Они возвращаются в волшебный город Монмут, где воздух всегда свеж и чист, а люди улыбаются друг другу.

Мать покачала головой, как будто внутри жужжала пчела и она хотела ее прогнать.

– Постелил постель – так спи на ней, – сказала она. – Создатель привел меня сюда, и здесь я останусь. Пути назад нет.

И с этим было сложно спорить.

* * *

Однажды вечером, это было в ноябре, Мэри послали купить ракушек на два пенни, и в переулке возле Шортс-Гарденз она наткнулась на торговца лентами. Он распахнул свой сюртук, словно пару больших крыльев, и Мэри испуганно отпрянула. Сюртук был старый и довольно грязный, но внутри, на подкладке, среди многих других была она: приколотая к ткани, длинная, дрожащая, чуть завивающаяся на конце, словно язык. Точно такая же лента, как у той шлюхи.

– Сколько стоит красная? – Вопрос вырвался у Мэри как будто сам собой.

– Для тебя шиллинг, милочка. – Торговец склонил седую голову набок, словно только что выдал удачную шутку. Его глаза масляно блестели.

Мэри бросилась наутек.

С таким же успехом он мог бы запросить целую гинею. Она даже никогда не держала шиллинг в руках. Подойдя к тележке продавца ракушек, Мэри засунула руку в карман и обнаружила, что один из двух пенсов, что вручил ей Уильям Дигот на покупку ужина для всей семьи, исчез. В кармане была дыра с мягкой, как ресницы маленького Билли, бахромой по краям.

Что же делать? Ракушками на один пенни четырех человек не накормить, это Мэри знала точно. Она бросилась к торговцу пирогами на угол Флиткрофт-стрит и спросила, что у него есть на пенс. Ей дали пирог с ветчиной; у него была сломанная корочка, но, по крайней мере, пирог выглядел достаточно сытным. Всю дорогу домой Мэри не отрывала глаз от земли, в надежде, что потерянная монетка вдруг блеснет между двух булыжников или где-нибудь в

канаве, среди очисток и какашек, но, конечно, она так ничего и не нашла. Как будто пенни будет валяться в грязи на Черинг-Кросс!

Она рассчитывала, что семья будет довольна пирогом – он был горячим и вкусно пах. Но Сьюзан Дигот назвала ее лгуньей.

– Ты ведь потратила пенни на пряники, да? – спросила она и устало потерла покрасневшие глаза ладонью. – Я же чувствую, от тебя пахнет пряниками.

Она отлупила Мэри ручкой от метлы.

– Я потеряла его! – выкрикивала Мэри, снова и снова, при каждом новом ударе. – Я правда потеряла пенни! Клянусь!

– О, Мэри, – повторяла мать и обрушивала на нее следующий удар.

Мэри лупили и раньше, и гораздо сильнее, но никогда еще она не чувствовала такой боли и обиды. Что толку быть взрослой девушкой тринадцати лет, если мать по-прежнему может положить тебя поперек колен и отходить за то, чего ты не делала?

После наказания Мэри съежилась в углу, наблюдая за тем, как Диготы едят пирог. Серединка досталась маленькому Билли. Ее слезы высохли, только щеки и подбородок были солеными. В животе у Мэри громко заурчало, и ей очень хотелось, чтобы Диготы это услышали. В конце концов она поднялась, подошла к столу и вывернула карман.

– Смотрите, – сказала Мэри. Ее голос дрожал. – Там была дырка, а я не знала. – Она просунула палец в дыру.

Уильям Дигот поднял голову.

– Да ты могла и сама ее пробуровать, – буркнул он.

Мать посмотрела на дырявый карман, и на секунду на ее лице появилось странное выражение, словно она вот-вот разрыдается.

– Я не воровка! – почти крикнула Мэри.

Сьюзан Дигот сморгнула.

– Небрежность – это несколько не лучше.

Помедлив, она протянула Мэри жестяную миску с коркой пирога. Как собаке. Муж Сьюзан бросил на миску косой взгляд.

– Она этого не заслужила, – заметил он.

– Она моя дочь, – тихо и яростно сказала Сьюзан.

На кого она злилась? На дочь? На мужа? Или на Создателя, который дал ей такую большую семью и такой маленький пирожок, чтобы ее накормить? Мэри с удовольствием швырнула бы миску с объедками на пол или – еще лучше – безразлично отвернулась бы от нее, но она была слишком голодна. На то, чтобы показывать гордость, у нее не было сил. Она взяла корку двумя пальцами и проглотила ее в один момент.

Урок она усвоила, но только совсем не тот, что предполагался. В следующий раз, когда ее послали купить что-нибудь на ужин, Мэри просто соврала матери насчет цены полудюжины устриц и оставила один пенс себе. В возмещение за порку.

К этому времени у нее уже два месяца шли месячные. В первый раз, когда это случилось, Сьюзан всплакнула и пробормотала, что еще слишком рано, несмотря на то что Мэри уже была выше многих взрослых женщин.

– Я оставалась девочкой до шестнадцати лет дома, в Монмуте, – грустно добавила она. – В большом городе все бежит так быстро.

Серое школьное платье Мэри почти прорвалось на локтях, а впереди, там, где наливалась грудь, отлетела пуговица. В те дни она совсем не занималась на уроках, забывала присоединиться к хору голосов, повторяющих стихи, хотя давно знала слова наизусть. Ей хотелось зевнуть и потянуться, как тигрице. Она читала, писала и считала лучше, чем любая другая девочка в школе. Все ее ровесницы уже бросили уроки; одна стала прачкой, другая помощ-

ницей чулочницы, еще три – швеями, как ее мать. Девочка, с которой Мэри почти дружила, поступила в услужение и уехала в Корнуолл – все равно что на другой конец света. Все ремесла и занятия казались Мэри низкими и презренными.

У других девочек не было никаких честолюбивых замыслов. Все они, похоже, оставались довольны своей участью. Тщеславие терзало Мэри, как камешек, попавший в туфлю, как жучок, разъедающий внутренности. Когда она читала книгу, глаза всего лишь прыгали по строчкам, чтобы скорее добраться до конца. Наверное, это из-за тщеславия ее ноги становились все длиннее, а губы алеет. По вечерам Мэри устраивалась на матрасе рядом с Билли, уместя свое ноющее растущее тело в продавленную посередине ямку. В короткий промежуток между сном и явью она грезилась о какой-то иной, лучшей жизни, где вместо грязи и изматывающего труда были яркие краски, разнообразие и бесконечные танцы, танцы, танцы всю ночь напролет в развлекательном саду в Воксхолле, на другом берегу. Иногда ее недовольство словно собиралось в одну точку, как луч света. Перед рассветом Мэри просыпалась с замирающим сердцем; ее будил грохот первых телег, проезжающих по мостовой, или хныканье и толчки Билли. В эти моменты мысли в ее голове были особенно четкими и ясными. *Я достойна большего.*

Сама земля в том году, казалось, не могла найти покоя. В феврале было землетрясение, а потом, в марте, еще одно. Последняя фарфоровая тарелка Сьюзан Дигот, доставшаяся ей от родителей, упала с полки и разбилась на мелкие кусочки. Люди считали, что это дурные предзнаменования. Говорили, что следующее землетрясение, которое придет очень скоро, не оставит от Лондона камня на камне. Проповедники обещали, что Господь в своем праведном гневе поднимет воды Темзы, и в них утонут все пьяницы, развратники и те, кто играет в карты и кости.

Уильям Дигот утверждал, что все это чепуха, но когда подошло время и жители Лондона начали уезжать из города в близлежащие деревни, Сьюзан Дигот убедила мужа на одну ночь вывезти семью в Хэмпстед. Вреда от этого не будет, говорила она. Они сидели на пустоши и смотрели вниз, на город. К десяти часам ничего так и не случилось, и Диготы пошли спать в амбар, на соломе с одиннадцатью другими семьями. Уильям Дигот поспорил с хозяйкой насчет непомерно высокой цены за ночлег, и та заставила его оставить в залог его лучшую рубашку.

Вонь и разговоры не давали Мэри уснуть. Чуть позже она тихонько накинула на плечи материнскую шаль, выскользнула из амбара на пустошь, уселась на корточки и усталилась на дрожавшие огни Лондона. Она думала о балах-маскарадах, салонах, где ночь напролет играют в карты, и о гуляках в атласных костюмах, смеющихся прямо в лицо разгневанному Создателю. Это был город полный блеска и веселья, и ему предстояло быть разрушенным до того, как она успела отведать его радостей.

Мэри ждала, что земля вот-вот начнет содрогаться или в воздухе вдруг запахнет затхлыми водами вышедшей из берегов Темзы. Но в ту ночь божья кара миновала Лондон. Стояла напряженная, звенящая тишина, и на небе одна за другой появлялись звезды.

* * *

В мае 1761 года Мэри исполнилось четырнадцать. Возвращаясь в тот день из школы, она, как всегда, пошла через Севен-Дайлз и заметила впереди спину той самой шлюхи со шрамом. Поддавшись непонятному порыву, Мэри последовала за ней, вверх по Мерсер-стрит, мимо церкви Святого Эгидия на Полях. Как там говорила мать? *Там кто не попрошайка, так непременно вор.* Но Мэри старалась не выпускать из виду белый парик с дерзкой алой лентой. Девушка зашла в «заведение» и появилась с половиной бутылки джина в руках; Мэри дождалась ее снаружи и снова двинулась следом. Возле Хай-Холборн Мэри остановилась – идти дальше было страшновато. Она знала, что этот район называют Трущобами. Шлюха исчезла в узком проходе между двумя домами, которые склонялись друг к другу, словно пьяные. Улица

здесь была не шире, чем раскинутые руки Мэри. Извилистые переулочки перетекали во внутренние дворики, внутренние дворики – в подворотни; между домами то и дело встречались щели. Говорили, что если, скрываясь от погони, свернуть в Трущобы, то тебя не поймают никто, даже ищейки с Боу-стрит. Мимо прошли два матроса-индуса; один из них подмигнул Мэри. Его белки были невероятно яркими. Мэри бежала почти всю дорогу до дому.

Сьюзан Дигот подняла голову и вытерла мокрый лоб рукой, в которой держала иголку. Ее медно-рыжие волосы уже заметно поседелели.

– А, Мэри. Наконец-то. Я раздобыла голубя. Он, конечно, староват, но в хорошем рагу, со специями, мы этого и не заметим.

Перья у голубя были редкие. Мэри быстро ощипала его, стараясь поскорее разделаться с заданием. Ее все еще слегка трясло. Крупные перья летели прямо в огонь, но мелкие прилипали к пальцам. Она ловко взрезала голубиное брюшко. Значит, вот каково это – когда тебе четырнадцать, подумала она.

Сьюзан Дигот взглянула на дочь и облизнула нитку, как будто хотела попробовать ее на вкус.

– У тебя сноровистые пальцы, Мэри, – заметила она.

Мэри промолчала.

– Пора тебе научиться какому-нибудь ремеслу. Теперь ты уже совсем взрослая.

Мэри, все так же молча, достала внутренности. Она и не думала, что мать помнит о ее дне рождения.

– Шитье, вышивка, стежка... девушка никогда не пропадет с голоду, если у нее в руках иголка, Мэри.

Мэри обернулась и посмотрела на мать. У Сьюзан Дигот были серые глаза, цвета набухших дождем облаков, но в последнее время Мэри начала замечать, что они будто обведены красным, словно мишень. И испещрены красными точечками, как следами от стрел. Сколько еще лет они протянут? Ей приходилось видеть ослепших швей; на чердаке на Нилз-Ярд как раз жили две. Можно было пересчитать все кости у них на руках. Мэри покачала головой и снова вернулась к голубю. Она собрала внутренности на лезвие ножа и бросила в огонь.

На минуту она подумала, что этим все и закончится. В комнате повисла тишина; постепенно темнело. Дигот проснется к ужину, и тогда разговор, конечно, начнется опять. Но Мэри знала, как перевести его на безопасную тему: например, какой мягкий сегодня ветерок или какие сильные ручки у маленького Билли.

Но Сьюзан Дигот откинула со лба выбившиеся волосы и глубоко вздохнула, как будто у нее болело в груди.

– Вся эта грамота: и чтение, и письмо, и счет – это, конечно, славно. Коб Сондерс требовал, чтобы ты пошла в школу, и я ему слова поперек не сказала, верно?

Этот вопрос не требовал ответа.

– Скажи мне, я стояла у тебя на пути? – торжественно спросила мать. – Нет. Хотя многие мне говорили, что для девочки учение – это лишнее.

Мэри уставилась на огонь в очаге.

– Но пришла пора и тебе начать зарабатывать на хлеб. Что говорят в школе?

– Идти в служанки. – Мэри показалось, что слова застревают у нее в горле. – Или в швеи.

– Ну вот видишь! В точности мои слова. Все верно, да, Уильям?

Из угла, где устроился Уильям, не донеслось ни звука. Мэри скосила глаза и увидела, что ее отчим дремлет. Он то и дело клевал носом; его тень на стене была такой же черной, как и его вымазанная углем голова.

– А если ты выберешь идти в швеи, то ведь я сама могу начать тебя учить, так? – не отставала мать.

В ее голосе даже послышалась нежность. Мэри вдруг вспомнила, что несколько лет они были только вдвоем, вдова Сондерс и ее дочка. Они спали вдвоем на узкой кровати, и им было тепло.

– А если дело у тебя пойдет хорошо – а я уверена, что пойдет, с такими-то ловкими пальцами, точь-в-точь как у меня, – может, я даже смогу отослать тебя подальше из этого проклятого грязного города. Скажем, в Монмут. – Это слово Сьюзан всегда произносила особенно тепло. – Моя подруга Джейн Джонс, та самая, что портниха, – я же могу написать ей. И она возьмет тебя в помощницы – в два счета, точно тебе говорю.

Кусочки голубиной тушки прилипали к пальцам. Мэри стряхивала их в горшок, один за другим. Мяса там было не больше яйца. Как из этого сделать хорошее рагу со специями на четверых?

– Для подрастающей девочки Монмут – как раз то, что надо, – с надеждой сказала мать. – Такие хорошие люди, чистые, добрые. И все кругом так зелено, и на улицах тишина.

Мэри представила себе вылизанный, притихший маленький городок.

– Я не люблю тишину, – выдавила она.

– Как будто ты что понимаешь, девчонка! – К матери снова вернулась строгость. – Кроме того, главное – получить ремесло. – Она на секунду оставила работу, и ее глаза заблестели. – Когда ты всему научишься, сможешь и вернуться. Будешь работать со мной. Будем... компаньонами.

Мэри посмотрела на мать, на ее сияющие глаза, влажные губы, и внутри у нее все сжалось. Теперь она понимала, в чем действительно дело. *Одни руки хорошо – а двое лучше.* Может быть, ее и растили с этой целью – чтобы она встала между Сьюзан Дигот и ее несчастливой судьбой, подставила плечо. *Какова мать – такова и дочь.* В своей беспощадной любви Сьюзан Дигот предлагала дочери все, что имела, все, что знала: будущее, которое ограничивалось этим сырым подвалом. Все это должно было достаться Мэри в наследство: мужчины из клана Диготов, согнутая спина, иголки, красные веки.

– Мне... жаль, – прошептала она.

На мгновение Мэри показалось, что она услышала то, что не было высказано, смирилась с их обоюдным предательством. Что между ними возможно понимание.

– Или тебе больше нравится услужение? – холодно спросила мать. – Давай скажи, что думаешь. Что тебе больше по душе?

– Ни то ни другое, – четко произнесла Мэри и вытерла нож о край горшка.

Из угла послышался кашель. Уильям Дигот проснулся.

– И что же ты собираешься делать, раз так? – резко бросила Сьюзан. Иголка в ее руках была направлена на дочь, словно оружие.

Мэри с силой закусил губу и поставила горшок на огонь. Во рту она чувствовала сладкий вкус крови.

– Я не знаю. И шитье, и услужение – это... жалкие занятия.

– А с чего вам пришло в голову, что вам назначено что-то получше, мисс? – ядовито спросила Сьюзан. – Какая неблагодарность! Какое упрямство! Подумайте только.

Уильям Дигот, сгорбившись, уселся поудобнее.

– Девчонка что, думает, мы будем кормить ее вечно? – хрипло спросил он.

Мэри отвернулась, чтобы он не увидел ее лица, и потыкала ножом в шипящие на дне горшка кусочки голубя.

– Отвечай отцу! – велела Сьюзан.

Мэри молча посмотрела матери прямо в глаза. Она ответила бы отцу, будь он здесь, говорил ее взгляд.

Маленькие серо-голубые глазки Сьюзан, так не похожие на глаза ее дочери, яростно сверкнули в ответ.

– Что ты собираешься с собой делать?

– Что-нибудь получше, – сквозь зубы процедила Мэри.

– Что? – переспросил отчим.

– Я хочу быть кем-то получше, чем служанка или швея, – громко сказала Мэри.

– А, так, значит, у нас есть пожелания?! – проревел Уильям Дигот и упер руки с черными ногтями в колени. Теперь он окончательно проснулся. – Твоя мать и я колотимся целыми днями, чтобы на столе была еда, но миледи Сондерс этого недостаточно. Скажите же, миледи Сондерс, чего вы *желаете*?

Искушение было велико. Мэри очень хотелось повернуться к нему и сказать: все что угодно, только не эта вонь от угольной пыли. Любое занятие, лишь бы не проклятая игла. Любое место на свете, только не этот сырой подвал.

Мать отложила иглу и взяла ее за подбородок. Сухие мозолистые пальцы зажали рот Мэри, прежде чем она успела произнести хоть слово. В этом жесте была почти нежность. *Спаси меня, мама*, чуть не взмолилась она. *Помоги мне выбраться отсюда*.

– Всех нас Господь определил на свое место. И мы должны довольствоваться тем, что имеем, – с чувством произнесла Сюзан. – Твой отец забыл об этом и позволил себе вольности с теми, кто стоит выше его.

– И смотри, что из этого вышло, – с удовольствием добавил Уильям Дигот.

Мэри вырвалась и бросилась вон из комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной; маленький Билли заплакал.

Темнота постепенно покрывала небо, как корка сыр. Вокруг фонарей на Лонг-Акр лежали маленькие лужицы света; горящее масло немного дымилось. Пьяцца Ковент-Гарден была ярко освещена, и оттуда доносились звуки скрипок. Но сегодня Мэри хотелось держаться от света подальше.

Она повернула на Мерсер-стрит. Здесь темнота сгустилась; многие фонари были разбиты. Обитатели прихода Святого Эгидия не любили, когда свет вторгся в их личную жизнь. Мэри побежала по скользкой мостовой. Ее дыхание участилось. Она радовалась, что не надела башмаков, – так у нее было нечего взять. И незачем причинять ей вред.

На Севен-Дайлз в этот теплый майский вечер болталось всего несколько шлюх. Девушки со шрамом среди них не было. Мэри остановилась под столбом в центре перекрестка и камнем отскребла с рук грязь и голубиный пух. Она терла так сильно, что на ладонях оставались белые полосы. Никто не обращал на нее никакого внимания. Пустой желудок Мэри как будто сжался. Из окна ближайшего подвала сочился слабый свет; оттуда слышался стук костей, видимо, шла игра. Становилось сыро. Должно быть, уже часов девять. Она снова и снова обходила столб, пересчитывая расхोдившиеся от него переулки, пока совсем не запуталась.

Кроме как домой, идти было некуда... Мэри устремилась в противоположном направлении. В желудке заурчало, и ею снова овладела ярость. Если мать думает, что она согласится на такую же безрадостную, серую, кислую полужизнь...

Торговец лентами стоял, прислонившись к дверному косяку на Шортс-Гарденз. Мэри узнала его, только когда подошла совсем близко, и с удивлением заметила, что стала почти такого же роста, как и он. От торговца пахло джином. При виде ее он поднял свои кустистые брови и шуточно поклонился.

– А, школьница, – протянул он и отхлебнул из бутылки темного стекла. На его губах играла пьяная улыбка.

– Цена все еще шиллинг? – хрипло спросила Мэри. Ее собственный голос показался ей больше похожим на воронье карканье.

– Что?

– Лента, сэ. Алая, – глупо уточнила она.

Торговец распахнул сюртук, как будто хотел напомнить себе, о чем таком она говорит, но в сумерках было невозможно отличить один цвет от другого. Он скривил губы и задумался.

– Шиллинг и шесть пенсов, – выдал он наконец.

У Мэри заболели глаза – так пристально вглядывалась она в темноту.

– Но вы говорили...

– Времена нынче тяжелые, дорогуша. И становятся все тяжелее. Нужно быть *твердым*. – Он как-то особенно приналег на это слово. Это было похоже на загадку, но Мэри и понятия не имела, как ее разгадать. – Один шиллинг шесть пенсов, – повторил торговец и запахнул сюртук. – Или поцелуй.

Она растерянно моргнула. Торговец ухмыльнулся; его зубы смутно белели в темноте.

А потом Мэри Сондерс шагнула вперед. Вернее, это была не Мэри. Эту девушку она совсем не знала. Даже не подозревала о ее существовании.

Чужой язык раздвинул ее губы, как будто пытался там что-то найти. Спрятанное сокровище. Мэри показалось, что она чувствует привкус чего-то горелого. Он шевелился у нее во рту, бился, как вытащенная на берег рыба, и на секунду она подумала, что сейчас задохнется.

Когда он прижал ее к стене, она даже не закричала. Самым удивительным было то, что она как раз не удивилась.

– Тихо, тихо, – бормотал он ей на ухо заплетающимся языком.

Кажется, она уже слышала эти слова... давным-давно, одной душной ночью, когда не могла уснуть. Его руки путались в ее юбках, а щетина царапала ее лоб, словно он пытался оставить там тайную метку. Темнота окутала их, как дым. Мэри затаила дыхание, чтобы не завизжать. Каким-то образом она понимала, что кричать уже поздно, что она переступила неведомую грань и никто ее теперь не спасет.

– Тихо, – еще раз сказал он, больше себе самому, чем ей.

Даже когда острый камешек на стене больно впился ей в плечо, Мэри не издала ни звука. Все кончилось через несколько минут. Немного боли, ничего приятного. Только жаркое черное небо над головой и еще какая-то странная растянутость внутри.

Она проводила торговца глазами. Ее лицо было мокрым. В кулаке Мэри сжимала гладкую атласную ленту.

Она могла бы все рассказать в тот же вечер, когда добралась наконец до дому. Ее ноги дрожали, и между ними было скользко. Мэри казалось, что стоит ей произнести хоть слово – и она разразится слезами. Она уже готова была сказать: «Мама, случилось что-то ужасное...»

Но Сьюзан Дигот была в ярости. Девочка четырнадцати лет шатается по улицам после десяти, когда все добрые люди давно лежат в постелях? И конечно же болтается у Севен-Дайлз, тут и думать нечего. Среди самой что ни на есть швали, что собирается со всего города.

– Запомни, кто возится с дерьмом, непременно запачкается, – презрительно бросила мать.

И Мэри промолчала. Отвернув от свечи расцарапанное лицо, она попросила у матери прощения и пошла в постель. Маленький Билли уже спал, его нога свисала с кровати.

Как только в окне забрезжил рассвет, она достала из-под матраса ленту. Лента оказалась коричневой.

После этого Мэри держалась от торговца лентами подальше, но это уже ничего не меняло. Она переросла свое неведение. Оно будто лопнуло и сошло с нее, как старая кожа, и рассыпалось в прах. Она знала, что никогда больше не будет прежней.

И все же Мэри продолжала играть свою роль. Потом, вспоминая об этом, она думала, что пыталась обмануть саму себя.

Лето заканчивалось. Мэри не доставляла матери никаких неприятностей. Когда Уильям Дигот выходил из своей обычной дремоты и делал падчерице замечание или что-нибудь велел,

она, не огрызаясь, молча выполняла то, что требовалось. В сентябре молодой король широко отпраздновал свою свадьбу, а через две недели было устроено еще более пышное торжество по поводу коронации, но Мэри даже не просилась пойти посмотреть на фейерверк. Она не жаловалась на скудную еду, даже когда в октябре выдалась особенно тяжелая неделя. Тогда целая стопка простеганных лоскутов упала в очаг и загорелась, и Сьюзан Дигот закричала так громко, что ее слышали все соседи. Ей пришлось возместить хозяину все убытки. Иногда Мэри говорила, что не хочет есть, и отдавала половину своего хлеба маленькому Билли. По утрам она торопилась в школу. Вывески питейных заведений скрипели и раскачивались над головой, заслоняя и без того скудный свет. Мэри не поднимала глаз от парты и послушно повторяла стихи, как будто это была благая весть.

Тратить время – преступление.

Ее голос, самый звучный и глубокий из всех, перекрывал остальные.

Пламя ада – вот грешникам награда.

Однажды, после проповеди, которую читал навещавший школу священник, Мэри Сондерс обнаружили у вешалок с одеждой. Она плакала. Когда директриса спросила ее, в чем дело, она сказала, что потеряла еще одну пуговицу на платье.

Первый раз в жизни она попробовала молиться. «Господи, – шептала она, уткнувшись в подушку. – Господи». Она напряженно вслушивалась в тишину, но ответа не было.

Однажды вечером в октябре Мэри вернулась домой и тут же получила удар в глаз от отчима.

Она упала на пыльный пол. Самым странным было то, что Сьюзан Дигот не работала. Шитье неаккуратной кучей валялось на стуле. У нее было чудное, какое-то перевернутое лицо. В руке она сжимала клочок бумаги; он дрожал, как будто от сильного сквозняка. Младший брат Мэри, голодный, хныкал в углу. Мать поднесла бумагу к глазам и вслух прочитала:

– Твоя дочь...

Ее голос оборвался, и она уронила записку к ногам Мэри.

Боясь дотронуться до нее, Мэри скосила глаза и прочитала неровные строчки вверх ногами.

Твоя доч шлюха. Пасматри на ее жывот.

Все кончено. Мэри твердила это себе снова и снова, пока слова не приобрели смысл. Пока она не поняла, что эти пять месяцев она не то подозревала, не то отрицала очевидное.

Мать нагнулась и подняла ее на ноги. Они были одного роста. Мать обтянула просторное серое школьное платье Мэри вокруг ее живота. Как странно смотрелась эта аккуратная небольшая выпуклость на стройном девичьем теле... если не приглядываться специально, заметить ее под свободным платьем было невозможно. Сьюзан ахнула.

– Так это правда, дьявол ее заberi, – протянул Уильям.

– Молоко! – завопил Билли.

На платье Сьюзан впереди темнели два мокрых пятна.

Уильям Дигот подвинулся ближе. В нос Мэри ударила угольная вонь.

– С кем ты путалась?

Она не могла выдавить из себя ни слова.

– Кто это был, шлюшка? – Чуть ли не первый раз в жизни он выглядел полностью проснувшимся. Он сжал кулаки, но Сьюзан быстро скользнула между мужем и дочерью и обхватила Мэри руками.

Мэри вдруг показалось, что все еще может быть хорошо.

– Почему? – прошептала мать ей в волосы, почти нежно. Ее влажный корсаж упирался Мэри в плечо. – Почему?

Мэри попыталась вспомнить. Мысли в ее голове были вязкими и густыми, как грязь.

– У него был нож? – с надеждой прошептала мать.

Мэри покачала головой. Ни одна лживая мысль не приходила ей на ум.

– Лента, – хрипло сказала она, касаясь губами нежной, шелковистой кожи на шее матери.

Сьюзан чуть отодвинулась и повернулась к ней ухом.

– Что?

– Лента, – повторила Мэри и замолчала. – У него была красная лента, – еле слышно добавила она. – А я ее очень хотела.

В ту ночь Мэри узнала, что все ее имущество, все, чем она владела в этом мире, умещалось в одну-единственную шаль. Мать сложила туда все ее рубашки и нижние юбки с таким остервенением, будто месила тесто. Костяшки на ее пальцах побелели; на Мэри она даже не смотрела. Уильям Дигот закатился в пивную, а маленького Билли отправили в кровать с горбушкой хлеба. Собирая вещи Мэри, Сьюзан не переставала говорить. Она как будто боялась, что если замолчит хоть на миг, то ее решимость ослабеет.

– Мы живем всего один раз, Мэри Сондерс. И ты только что выбросила свою жизнь на помойку.

– Но...

– Ты не могла довольствоваться своей долей, как все остальные, не так ли? Я ведь старалась воспитать тебя как следует, вложила столько труда, а ты продала себя за самую что ни на есть низкую цену! За ленту! – Она выплюнула это слово, как название богомерзкого греха. – За жалкий, грязный клочок роскоши. Вот, значит, чего ты стоишь! Вот какую ты назначила себе цену!

– Прости, – всхлипнула Мэри, и в это мгновение она говорила правду. Она сожалела о том, что произошло, и отдала бы все на свете, только бы перевести время назад и вернуться в детство.

– Скажи мне, чего тебе не хватало? – Сьюзан вцепилась в юбку, словно хотела выжать из дочери ответ. – Разве ты голодала? Разве Уильям, или я, или маленький Билли в чем-то тебе отказывали? Не давали тебе жить?

Ее вопросы повисли в воздухе, словно туман; только туман был не на улице, а в доме.

– Ничего, – кротко ответила Мэри. Но кроткие наследовали землю, это она знала точно. Они не наследовали вообще ни черта.

– Мы дали тебе кров над головой. Позволили учиться. Разве нет? Разве нет? – повторила мать. – И предложили заработать себе на жизнь честным трудом, хорошим ремеслом – шитьем. Но нет, ты была слишком горда, ты не приняла это. Мы дали тебе все, что имели, все, что могли, но ты все равно извозилась в дерьме. – Она говорила так, будто у нее был полный рот соли. Завязывая шаль в узел, она дернула ее так сильно, что оторвала кончик.

– Я не... – Мэри замолчала. Она не знала, чего она *не* сделала. В голове были только мысли о том, что она *сделала*. Или что сделали с ней пять месяцев назад... темный переулок, теплый майский вечер, странный, какой-то бездушный обмен. – Я не хотела... – выдавила она и тут же забыла, что собиралась сказать. Это уже не имело никакого значения. Настоящее стояло перед ней, безнадежное, тяжелое и неотменимое, как огромные валуны посреди грязного поля.

– Ты – дочь своего отца, – устало сказала Сьюзан, и на мгновение в Мэри проснулась надежда, что мать сжалится над ней. – Я так и вижу Коба Сондерса, всякий раз, как ты поворачиваешь голову.

Мэри сделала крохотный шагок навстречу и заглянула в покрасневшие, водянистые глаза матери, так не похожие на ее.

– Когда... когда он был с нами... – робко начала она.

– Ты была еще мала, ты не помнишь, – оборвала ее мать. Ее лицо как будто захлопнулось – словно закрыли дверь.

– Но я помню, – возразила Мэри.

– Он был негодяй и подлец, – отрезала мать. – Ему захотелось пойти побунтовать, а я осталась одна, с ребенком на руках и в долгах. Я проклиная тот день, когда стала его женой. – У Мэри задрожали губы, но Сьюзан безжалостно продолжила. Она говорила все быстрее и быстрее. – Ты вся в него. Гнилая от самого корня. Дурное семя – оно и есть дурное семя. И ты идешь к геенне огненной семимильными шагами.

Брезгливо, двумя пальцами она подняла маленький твердый узелок – как будто в нем было полно паразитов.

– Что же мне делать? – прошептала Мэри.

Сьюзан яростно пожала плечами.

– Если тебе так нравятся ленты, попробуй питаться лентами. Попробуй поискать помощи у своих дружков. Они-то будут почище, чем простой люд, да? Поглядим, сколько ты протянешь сама по себе. А скоро ты приведешь в эту юдоль слез еще одну душу. – Она болезненно сморщила лоб. – Надеюсь, этому несчастному не доведется открыть глаза.

Мэри хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

– Что же со мной будет? – наконец выдавила она.

– Может, закончишь в работном доме. Или в один прекрасный день будешь болтаться на виселице. – Сьюзан протянула ей узелок. – Я благодарю Создателя за то, что этого не увижу.

– Если только ты позволишь мне остаться на время, мама... – выговорила Мэри.

– Забудь это слово. – Сьюзан сунула узел ей в руки.

– Я исправлюсь...

– Ты свой случай упустила. – Сьюзан подошла к двери и распахнула ее.

Холодный, пахнувший дымом октябрьский воздух ворвался внутрь.

– Мама, – выдохнула Мэри.

Бледные, выцветшие глаза смотрели сквозь нее.

– Теперь у тебя нет матери.

За все свои четырнадцать лет Мэри Сондерс ни разу не была на улице после полуночи. Только теперь она поняла, что, когда порядочные люди запирают двери, здесь все только начинается. Это была совсем иная жизнь, настоящий праздник темноты, и сумерки являлись всего лишь его репетицией.

Она видела, как из подвала на Диотт-стрит вытащили бесчувственного мужчину и как кто-то стащил у него с головы парик. Оказалось, что волос под париком почти нет; те островки растительности, что еще оставались, были цвета грязной воды. На Хай-Холборн мальчишка попытался вырвать у Мэри узелок, но она убежала.

– Шлюха сифилитичная! – крикнул он ей вслед и добавил еще какие-то слова, которых Мэри не знала.

Дрожа от холода, она забилась в нишу у дверей на Айви-Лейн. Мимо прошла старуха; ее голые груди болтались словно тряпки.

– Птица забилась мне под кожу, – пожаловалась она.

Мэри сжалась в комок и закрыла глаза – ей казалось, что так безумная ее не увидит. Старуха повторяла про птицу снова и снова, пока не скрылась за поворотом. Через некоторое время Мэри услышала за дверью не то стоны, не то всхлипы и прильнула к замочной скважине. Двое людей лежали на полу и елозили друг по дружке взад и вперед, и оба они были мужчинами.

Этот мир был полон загадок и ужасов, и она ничего в нем не понимала. Чтобы ноги не замерзли и не занемели, Мэри решила идти вперед. В эту холодную октябрьскую ночь в городе не было ни одной двери, куда она могла бы постучать. У нее не было родных в Лондоне. У Коба Сондерса, должно быть, имелись друзья, но он никогда не приводил их домой, и к тому же Мэри была слишком мала, чтобы расспрашивать о них отца.

Ноги машинально понесли ее к тому месту, куда она ходила каждое утро, – к школе. Ее узкие высокие окна были темны. Мэри устала на кованые чугунные ворота. Неужели еще сегодня утром она проходила сквозь них, дитя в форменном школьном платье, такая же, как и сотни других? Но школа не могла стать ее убежищем. Все девочки, которых она знала, уже уехали из Лондона. И даже если бы она простояла у ворот всю ночь, утром учителя все равно не позволили бы ей войти – после того, как она объяснила бы, почему у нее больше нет дома и некуда идти.

Мэри держалась за свой узелок, как утопающий за обломок корабля. Она заблудилась – вокруг не было ни одного знакомого названия улицы. Заворачивая за темный угол, она споткнулась и упала на колени; рука уткнулась во что-то холодное и скользкое, и Мэри с ужасом поняла, что это полуразложившийся труп собаки. Он кишел червями. Она завопила и стала колотить рукой по земле, стряхивая мерзких тварей с пальцев.

На столбе раскачивался фонарь. В узком кругу света Мэри увидела сторожа с дубинкой и трещоткой. Она подумала было попросить о помощи его, но тут же отбросила эту мысль. Что она ему скажет? Она отступила подальше в тень и подождала, пока он пройдет мимо. Если даже собственная мать не захотела ее приютить, разве это сделает незнакомец?

Она пошла быстрее. Впереди показался шпиль церкви Святого Эгидия – или это была другая церковь? Луна скрылась. Мэри так устала, что почти не разбирала, куда ступает. Она валилась с ног. «Господи, – повторяла она про себя. – Господи, пожалуйста!» Но если он и был где-то там, на Небесах, то не слышал ее.

В конце концов она забралась в канаву и, как только ее голова коснулась холодной земли, провалилась в глубокий сон.

Она проснулась от острой боли внутри, как будто кто-то воткнул в нее длинный нож. Ее юбки были задраны до пояса, и ледяной воздух касался тела. Что-то вцепилось ей в спину, животное или чудовище, его горячее дыхание обжигало ей шею, и откуда-то издалека до нее долетал жуткий смех. Обрывки кошмара смешивались с не менее кошмарной реальностью. Она повернула голову, и зубы чудовища впились ей в ухо. Тогда Мэри закричала, громко, во весь голос – так, как нужно было кричать тогда, пять месяцев назад, в переулке. Слишком поздно ее голос обрел силу и ярость.

– Нет! – завопила она.

Но мужчина – теперь, когда с нее слетели остатки сна, она видела, что это просто человек, – ударил ее в челюсть. Никто и никогда не бил ее так сильно. И еще раз. И еще. С торговцем лентами все было быстро и просто, но этот человек не хотел скорого облегчения. Он хотел уничтожить ее, разрушить до основания. Он схватил ее за волосы и стукнул головой о землю. Ее лицо ткнулось в грязь, и он удерживал ее так, что она не могла издать ни звука, не могла дышать – только чувствовать жгучую боль внутри.

Смеялся, как оказалось, не он. Смеялись другие солдаты. Они стояли вокруг, опираясь на винтовки, и ждали своей очереди. Сколько всего их было, Мэри так и не поняла.

Потом, целую вечность спустя, она очнулась от того, что кто-то коснулся ее век. Мэри сморщилась, но рука никуда не исчезла. Свет лез ей в глаза и колол, словно иглы. Она попыталась отвернуть голову, но рука не отставала. Тогда Мэри укусила ее, не глядя, вслепую.

Раздался взрыв смеха.

– Прекрати, негодная!

Все ее тело так затекло, что она его почти не ощущала. Только повернувшись на бок, Мэри осознала, что совсем закоченела. Незнакомый силуэт маячил над ней, заслоняя жидкий утренний свет. Мэри попробовала сесть, но ее стала бить крупная дрожь.

Посасывая укушенный палец, женщина сбросила с плеч плащ и накинула его на Мэри.

– И учти, потом отдашь, – сказала она, как будто продолжая начатый разговор.

Мэри с трудом поднялась на колени, и мир вокруг закружился. Ее узелок с одеждой исчез. Платье, что на ней было, казалось сделанным из грязи. Оно пропиталось ею насквозь и было жестким и твердым, как щит. Шпиль церкви Святого Эгидия угрожающе накренился. Все вокруг было изукрашено кружевной изморозью: ограды, мостовая, крапива, что росла на краю канавы. Мэри чувствовала, что ее лицо покрыто коркой грязи. В глубине ее замерзшего тела, в носу, под челюстью, под ребрами и особенно между ног шевелилась боль; она наступала со всех сторон сразу, как огромная армия.

– Ну и вид у тебя, – ухмыльнулась незнакомка. Шрам на ее лице сморщился.

Это была она, шлюха с красной лентой в напудренном парике, та самая, из-за кого Мэри решила, что в жизни может быть нечто большее, чем просто работа и сон. На мгновение ею овладела ярость.

– Позавтракать не хочешь?

Мэри разрыдалась.

Шлюху звали Долл Хиггинс – Куколка Хиггинс. Мэри медленно преодолевала ступеньку за ступенькой, Куколка почти тащила ее наверх, и ее рука была очень горячей. Наконец они оказались в темной комнатке где-то на самом верху. Мэри рухнула на матрас на полу и оставалась там до тех пор, пока он не промок насквозь от ее слез. Боль внутри не давала ей встать. Она попыталась спросить, где они, но вместо голоса из горла вырвалось какое-то хриплое карканье.

– Ну что ж, сделали тебя женщиной, – сказала Куколка.

Когда Мэри проснулась, ей показалось, что начался пожар и комната охвачена огнем. Свет, падавший из окошка, был совсем слабым, но со стен низвергался настоящий водопад цвета. Мэри несколько раз моргнула и убедилась, что это всего лишь одежда. Она была развешана прямо на ржавых гвоздях, вбитых в доски. Сплошь шелк и газ, изумрудный, рубиновый, янтарный, аквамаиновый.

Рядом пахло чем-то теплым и как будто сырым – странный, немного дрожжевой запах. Мэри была не одна. Смягченное сном лицо, полускрытое рассыпавшимися по подушке каштановыми прядями... Она не сразу узнала Куколку без привычного серебристого парика.

– Где я? – прошелестел голос Мэри. В горле страшно пересохло.

– В моей комнате, конечно, – зевнула Куколка, не открывая глаз. – В Крысином замке. – Было так холодно, что от ее дыхания в воздухе стояло облачко пара.

– Но где это?

– В Трущобах. Где ж еще?

У Мэри замерло сердце. Трущобы? Место, где не признают никаких законов, где девушку могут ограбить, избить, изнасиловать. Но ведь все это уже случилось, с трепетом осознала она и почти обрадовалась. Самое худшее позади. Теперь ей нечего бояться в этом мире.

Куколка села на соломенном матрасе и с наслаждением потянулась. Вблизи она казалась более угловатой и потрепанной, но все равно у нее было самое прелестное лицо, какое только Мэри видела в своей жизни.

– Так, – деловито сказала она. – Теперь вот что. Где твой дом?

Мэри покачала головой, почувствовала, как защипало в глазах, и крепко зажмурилась. Будь она проклята, если разрешится из-за Диготов.

– Ну откуда-то ты ведь появилась, – резонно заметила Куколка.

Мэри представила себе подвал на Черинг-Кросс-Роуд. До него было не больше десяти минут ходьбы, но преодолеть это расстояние было невозможно. Сегодня Мэри была уже не той девочкой, что плакала: «Помоги мне, мама». За эту ночь в канаве все, что было в ней мягкого и нежного, изменило свою суть, отвердело, превратилось в камень. «Никогда в жизни, – поклялась она себе, – я не буду плакать и умолять. Никогда в жизни я не позволю выбросить себя, словно мусор».

– Ну? – нетерпеливо переспросила Куколка.

– Я не могу вернуться, – прошептала Мэри.

Куколка пожала плечами:

– А друзья у тебя есть? Или какой-нибудь добрый джентльмен на примете?

Мэри яростно замотала головой.

– Ну, здесь вы, мисс, остаться не можете, так что даже об этом и не мечтайте, – с усмешкой предупредила Куколка. – Я, конечно, добрая христианка, не хуже прочих, и не держу на тебя зла за то, что ты прокусила мне палец чуть не до кости, но бездомных я не подбираю.

Мэри не отрывала от нее взгляда.

– Каждая сама за себя, ты меня понимаешь?

Мэри кивнула.

Но Куколка Хиггинс почему-то не торопилась выгонять Мэри. Ни в тот день, ни на следующий, ни еще через день.

Целыми днями Мэри лежала в кровати в своей сорочке без рукавов, завернутая в кучу одеял, чтобы хоть немного унять дрожь. Ее синяки переливались всеми цветами радуги – красным, фиолетовым, синим, – а распухший нос выглядел просто устрашающе. Мэри разглядела его в крохотном треугольном осколке зеркала.

– Сломан, – постановила Куколка, осмотрев его. – Ничего, обычный перелом. Заживет как на собаке, и глазом не успеешь моргнуть. Только бугорок останется.

Мэри смотрелась в зеркало и пыталась угадать, каким будет ее новое лицо.

Что же касалось живота, она была уверена в том, что солдаты избавили ее от проблем. Кажется, он уже стал чуть более плоским. Кроме того, были и другие знаки. В том, что все кончено, Мэри убедилась на пятый день. Между ног побаливало, и она решила посмотреть, что происходит.

– Из меня что-то вытекает, – прошептала она мирно посапывавшей рядом Куколке. – Какая-то странная штука.

– Такая не то желтая, не то зеленая? – спросила ее новая подруга, переворачиваясь на спину.

Мэри почувствовала теплый запах ее дыхания и пристыженно кивнула.

– Тогда это триппер.

Мэри захотелось расплакаться. Она не совсем понимала, что означает это слово, но ей приходилось слышать его раньше.

– Рано или поздно он нас всех достает, – весело заметила Куколка. – Почти у каждого жулика в Лондоне или триппер, или сифилис. Грязные кобели, – хихикнула она. – Но радуйся, если к тебе пришла Мадам Трепак. По сравнению с сифилисом, знаешь ли, это просто забава.

По щеке Мэри скатилась слеза, и она сильно заморгала.

– Ничего, выживешь, – сказала Куколка и протянула ей захватанную бутылку с джином.

Мэри посмотрела на маслянистую жидкость, поднесла бутылку к губам и сделала глоток. Ей показалось, что горло обожгло огнем, но уже через пару глотков она почувствовала себя гораздо лучше.

Куколка Хиггинс умела говорить жестокие вещи так, будто это была шутка. Но несмотря на это и на правило *каждая сама за себя*, Мэри жила у нее вот уже две недели, спала в ее

постели, и Куколка приносила ей хлеб, ярмутскую копченую селедку и иногда даже бадью ледяной воды и тряпку, чтобы она могла хоть как-то помыться. Мэри принимала все с благодарностью. У нее не было ничего; она как-то вдруг разучилась жить, потеряла это умение. В ее голове, неотвязные, как оса, звенели слова матери: «Девушка, которая теряет добродетель, теряет все».

Крысиный замок был самым большим и самым ветхим зданием в этом причудливом мире, который назывался Трущобами. Под крышей теснились четыре комнатухи; комната Куколки была единственной без замка на двери. Когда она уходила в город, Мэри сворачивалась на матрасе калачиком и ждала, когда Куколка вернется домой. На втором и третьем этажах жили привратники, бакалейщики, торговцы бренди и мелкие воришки. Самые лучшие комнаты, на первом этаже, занимали сутенеры. У каждого из них, по словам Куколки, была «конюшня» из дюжины проституток. У одной из них, Мерси Тофт, была темная кожа. Она считалась воспитанной девушкой; в свое время какой-то богач вывез ее из Вест-Индии, а потом бросил и переехал в Голландию. В самом низу, в подвале, ютились тридцать ирландцев вместе со своим ослом.

Доходный дом – этот и двадцать других таких же – принадлежал хитрой и оборотистой ирландке. Половина денег обитателей прихода Святого Эгидия стекалась в красные руки миссис Фаррел. В комнатах постоянно царил полумрак. Как-то раз Мэри спросила, почему все окна залеплены коричневой бумагой, и Куколка объяснила, что «старая сука Фаррел жадится и не желает вставлять в них стекла, а что касается меня, так я лучше посижу в темноте, чем буду корчиться на сквозняке». Кроме того, добавила она, ночной воздух вреден, это всем известно.

– Так, значит, миссис Фаррел... это перед ней ты отвечаешь? – смущенно спросила Мэри.

– Ты хочешь сказать, не она ли моя мадам? – уточнила Куколка и презрительно улыбнулась. – Нет. Я плачу ей только за комнату. Я свободная птичка, вот так-то. Я ни перед кем не отвечаю.

Индианка Мерси Тофт – иногда она заглядывала в комнату, чтобы поздороваться с новой соседкой, – считала, что Куколка Хиггинс – чокнутая.

– Без сутенера и без мадам тяжело. Кто еще найдет тебе клиентов и вытащит из неприятностей?

Мэри кивнула, как будто что-то в этом понимала. Непослушные черные завитки выбивались из тугого пучка Мерси, и Мэри не могла оторвать от них взгляда.

– Как давно ты здесь? – спросила она.

– Полгода в Крысином замке и еще лет шесть здесь, в округе. Запомни, самые ловкие воры водятся тут, в Трущобах, – засмеялась Мерси. У нее были очень белые зубы. – Они у тебя и ноги стащат, если постоишь на месте подольше.

Но странным образом именно здесь Мэри начинала чувствовать себя как дома – в окружении людей, которых ее мать называла не иначе как *сбродом* или еще хуже – *отбросами*. Дни напролет она лежала на покрытом пятнами матрасе; лихорадка то отпускала ее, то начинала трепать снова. Поясница горела огнем. Но тем не менее она ощущала себя в безопасности – словно парила высоко-высоко над привычным миром с его злоключениями и волнениями.

Она слышала шаги Куколки на лестнице задолго до того, как отворялась дверь. Куколка могла заявиться в любое время дня или ночи. От нее исходил ее обычный странный запах – не то только что выловленной рыбы, не то свежих дрожжей, – а в карманах весело позвякивали шиллинги. Она валилась на тощий матрас и говорила:

– Пусть дьявол оседлает меня и поедет на мне верхом, если я не брошу это чертовое ремесло!

Но, сколько Мэри ее ни расспрашивала, она так и не смогла выяснить, что было с Куколкой до того, как она начала «утюжить улицы» – так она это называла, – или что еще она хотела бы делать в жизни. Казалось, она занималась своим ремеслом всегда. Это была ее страна, ее

стихия. По словам Куколки, все на свете – мужчины, женщины, даже дети – так или иначе продавали себя. Иногда, приложившись как следует к бутылке со своим любимым джином – она с нежностью звала его «голубая смерть», – Куколка клялась, что никакое ремесло на свете не сравнится с ремеслом «мисс». Оно не требует ученья, говорила она, выдыхая в лицо Мэри спиртовые пары, и капитала для него тоже не нужно, и мастерской, а уж поток покупателей не иссякнет до скончания веков.

– Вот назови мне другое такое веселое дело, – заплетающимся языком требовала она. – Назови!

Иногда Мэри даже напоминала себе: сама она не шлюха. Она просто подруга шлюхи. Она – девушка, которая попала в беду, которую осквернили насильно.

Через две недели лихорадка спала и боли тоже прошли. Куколка, которая очень впечатлилась тем, что Мэри оказалась «ученой», иногда просила ее почитать вслух памфлеты. Большею частью это были скверные, нескладные политические стишки, полные бранных слов – о том, что графиня П...м делала с достопочтенным членом палаты лордов В...ром, и Мэри совсем не понимала, о ком и о чем идет речь. Но Куколка хохотала во весь голос. Иногда она объясняла Мэри, что к чему, и рассказывала невероятные, изобилующие деталями истории, вроде той, как старый наставник короля путался с королевой-матерью.

Однажды утром Мэри почувствовала, что уже может встать. Она спросила Куколку, где ее платье, и та залиvisto рассмеялась. Этот смех не предвещал ничего хорошего.

– Эта грязная тряпка? Я отдала ее старьевщику и выручила всего полпенни.

– Но у меня больше ничего нет, – дрожащим голосом выговорила Мэри. При мысли о том, что придется идти по улице в одной только льняной сорочке, она содрогнулась.

Куколка сделала широкий жест в сторону развешанной по стенам одежды:

– Бери что хочешь, дорогуша.

Мэри едва не задохнулась. Такая одежда, такие цвета – и на ней? Да она сама себя не узнает.

Куколка нетерпеливо выдохнула.

– Можешь начать с того, что я сейчас не ношу, – сказала она и начала рыться в углу.

На корсете были пятна, и он был очень жестким. Когда Куколка туго затянула шнуровку у нее на спине, Мэри чуть не задохнулась от страха.

– Ты что, раньше никогда не затягивалась? – спросила Куколка.

Мэри покачала головой и закусилла нижнюю губу. Ей казалось, что ребра вот-вот треснут.

– Четырнадцать лет, и ни разу не надевала корсет! – изумилась Куколка. Она слегка распустила шнуровку, и Мэри смогла сделать вдох. – Самое время тебе научиться одеваться, как взрослая девушка. Женщина без корсета – это просто мешок с зерном, и ничего больше.

Она одолжила Мэри две нижние юбки и фижмы, похожие на птичью клетку с изогнутыми прутьями. Мэри выбрала самую скромную одежду: бледно-голубую юбку, розовый корсаж и рукава в пару к юбке, застегивающиеся на пуговицы на плечах. Куколка показала ей, как части костюма соединяются друг с другом и как правильно расположить карманы. Потом она отступила на шаг назад и протянула Мэри свой треугольный осколок зеркала.

Мэри уставилась на свое отражение. На нее смотрела какая-то незнакомка – странное создание с разукрашенным синяками лицом и в цветном праздничном платье, дитя в одежде женщины дважды старше ее. Она не узнала себя, даже когда попыталась улыбнуться.

Она уже вполне могла ходить без помощи, но, спускаясь по лестнице, решила все же опереться на молочно-белую руку Куколки. От слабости перехватывало дыхание. Дверь в комнату Мерси была закрыта, и оттуда доносились низкие стоны и вздохи. Мэри поняла, что это означает, еще до того, как Куколка толкнула ее локтем под ребра.

Когда они вышли за порог Крысиного замка, шум города ударил Мэри в лицо, как порыв холодного ветра. Широкие юбки, расправленные на фижмах, раскачивались и колыхались, словно лодка в беспокойном море.

Куколка оказалась ее спасительницей и единственным другом в целом мире. Она давала все, что могла, и не требовала ничего взамен. В тот день – и еще много раз потом, когда октябрь сменился холодным ноябрем, – она показала Мэри почти весь город. Лондон был ее территорией, и везде она чувствовала себя в своей тарелке. Они зашли даже в новый район Уэст-Энда, где площади были вымощены белым камнем, а обитатели были так богаты, что по улице впереди них всегда бежал лакей с горящим фонарем в руке – чтобы хозяин, не дай бог, не наступил в грязь. Леди пешком не ходили; их носили в носилках, и украшенные бахромой юбки свешивались по обеим сторонам сиденья.

Когда они проходили мимо свежевыкрашенного дома в Мейфэре, на Кэррингтон-стрит, Куколка сказала:

– Это дом знаменитой Китти Фишер.

– А чем она знаменита? – спросила Мэри.

– Ты что, вообще ничего не знаешь? – Куколка закатила глаза и вздохнула. – У нее шесть любовников только в палате лордов, вот чем!

– Шесть? – изумилась Мэри.

– Говорят, как-то вечером она развлекала лорда Монтфорда – а он, между нами, маленький сморщенный стручок, ну, ты понимаешь, – а на лестнице как раз появился лорд Сэндвич. Ну и куда, ты думаешь, мисс Китти спрятала своего пигмея?

Мэри пожала плечами. Она и понятия не имела.

– Под юбку! – залилась Куколка и шлепнула Мэри по фижмам, так что они заколыхались еще больше. – А еще люди говорят, она берет сто гиней, – добавила она.

– За год?

– За ночь, бестолковая! – снова закатилась Куколка. – А еще как-то раз, за завтраком, один джентльмен дал ей всего пятьдесят фунтов, так она так оскорбилась, что положила эту бумажку между двумя кусочками хлеба и съела!

Мэри с надеждой взглянула на высокие окна – вдруг там мелькнет сама Китти Фишер. Ей страшно хотелось увидеть знаменитый рот, который мог есть деньги. Но привратник, что стоял в арке двери, бросил на них с Куколкой ледяной взгляд. Мэри посмотрела вниз, на свой наряд, и вдруг увидела себя его глазами. Для привратника между ней и Куколкой не было никакой разницы. Шлюхи, подумала Мэри, пробуя новое слово на вкус. Гулящие с Севен-Дайлз. *Мисс Потаскухи*.

Куколка, ничуть не смущаясь, послала привратнику смачный воздушный поцелуй. Ей было плевать, кто и как на нее смотрит.

– Почему ты взяла меня к себе? – спросила Мэри по дороге домой. И тут же пожалела об этом. Ей хотелось проглотить свой глупый язык. Что, если Куколка холодно скажет, что ее время давно истекло и, кстати говоря, Мэри задолжала ей столько-то и столько-то?

Но Куколка только странно, почти робко улыбнулась.

– Сказать честно, мне стало просто любопытно: кто это валяется там, в канаве, – сказала она. – Я вообще-то собиралась пойти позавтракать в «Чеширский сыр» на Флит-стрит, и мне ни до кого не было дела. Но потом ты укусила меня за руку, и мне это понравилось.

– Тебе это понравилось? – поразилась Мэри.

– Я подумала, что у тебя есть характер, – заметила Куколка. – Я бы сама сделала точно так же.

Но Куколка так и не сказала, была ли она когда-нибудь на месте Мэри – лицом вниз в сточной канаве, брошенная там гнить. Она вообще не говорила о прошлом. Казалось, она

всегда была и будет тем, что она есть сейчас: *мисс*. Девушки любят называть себя именно так, объяснила она Мэри. Хотя *шлюхи*, конечно, было бы честнее. Мужчины, которые их покупали, назывались *клиентами*. Мужчины могут быть какие угодно – всех сортов и всех размеров, говорила Куколка, но всем им нужно одно.

Мэри с удивлением узнала, что *мисс* – это вовсе не особое племя, отделенное от всех прочих женщин. Девушка, утюжившая улицы по ночам, днем могла спокойно торговать селедкой. Кроме *любительниц*, как их презрительно называла Куколка, среди проституток было полно женщин, в основном замужних, которые занимались этим только временно, год или два, когда дела шли особенно плохо, а потом бросали.

– Шлюхи, что зарабатывают себе на жизнь только этим, как я, – в нашем ремесле это редкость, – хвастливо заявила она. – Прямо как черные лебеди. Мы, можно сказать, особая порода, настоящая аристократия. Я в пятьдесят пятом году даже была в списке Гарриса.

– А что это такое?

Куколка, как обычно, закатила глаза. Она делала так всякий раз, когда Мэри демонстрировала свое невежество.

– «Список Гарриса леди Ковент-Гарден» – ты что, не знаешь? Это что-то вроде циркуляра, его печатают для джентльменов каждый год.

– И что там говорилось про тебя – ты знаешь? – любопытствовала Мэри.

– Слово в слово. Я заплатила мальчишке, чтобы он прочитал мне это вслух, и он повторял до тех пор, пока я не запомнила. «Мисс Долли Хиггинс, пятнадцать лет, пышные формы, веселого нрава. Обращаться в «Голову мавра».

Значит, Куколке всего двадцать один, подсчитала Мэри и ужаснулась. У нее было лицо хорошо пожившей женщины.

– «Удовлетворит вкус самого взыскательного ценителя красоты, – продолжила Куколка, – которому к тому же не следует опасаться неприятных последствий». – Она хрипло расхохоталась. – Конечно, триппера во мне было уже хоть отбавляй, не хуже чем у тебя. Но сказано было хорошо.

– Но мне кажется, я уже чистая, – сказала Мэри.

– О, раз эта зараза попала тебе в кровь, она уже не пройдет, – со знанием дела заметила Куколка. – Мадам Трепак – она остается в гостях навсегда. В следующий раз, как ляжешь с парнем, подмойся джином – если не жалко переводить добро – или хоть просто пописай.

– Я не собираюсь ложиться ни с какими парнями, – холодно сказала Мэри. При одной мысли об этом у нее задрожали руки, и она спрятала их за спину.

Куколка рассмеялась:

– Как же тогда ты собираешься зарабатывать себе на хлеб?

– Я что-нибудь придумаю.

Теперь, когда Мэри узнала город получше, она видела, что занятий для девушки здесь сколько душе угодно. Не обязательно становиться служанкой или швеей. Можно быть кухаркой, молочницей, цветочницей, торговкой рыбой, прачкой, садовницей, повитухой. Ей приходилось видеть даже женщин-аптекарьш. Можно держать школу или приют для сирот, булочную или шляпную мастерскую. Всюду, где могла, Мэри расспрашивала людей об их ремесле. Она хотела знать: как девушке четырнадцати лет встать на ноги?

В ответ она слышала, что еще слишком молода. Или что ничего не умеет. Что у нее нет коровы, или телеги, или лавочки. У нее не было денег, чтобы вступить с кем-нибудь в долю, или мужа, который оставил бы ей дело в наследство. У нее не было опыта. Она ничего не смыслила в торговле и в покупателях.

Если бы Мэри была одна, в конце концов она сумела бы за что-то уцепиться – в этом она была уверена. Продавала бы всякую рухлядь, старые газеты, использованную чайную заварку – на помойках и в сточных канавах можно было найти кое-что полезное. Будь она сама по себе,

она научилась бы жить на полпенни и носить простую одежду круглый год. Она готова была делать что угодно, только бы не сбылось предсказание матери, что она окончит свои дни в работном доме.

Но она была не одна. Рядом с ней была Куколка – Куколка, которая щеголяла в шелках и смеялась над любым честным ремеслом. Под ее руководством Мэри попробовала ром с Барбадоса, французское вино, лимоны из Португалии и ананас – такой сладкий, что у нее чуть не взорвалась голова.

– Это из оранжереи на Пэддингтон-Уэй, – сообщила Куколка. – А знаешь, на чем он вырос?

– На чем?

– На нашем дерьме! – Куколка зашлась от смеха. – Клянусь богом, они покупают свежее дерьмо со всего Лондона у золотарей и выращивают на нем ананасы!

Куколка приносила с собой джин, и веселье, и разнообразие, и бодрящее ощущение неизвестности – кто знает, что готовит им этот день? Мэри словно лишилась способности принимать решения; будущее ускользало из ее рук.

Кроме того, было и еще кое-что: ее живот. Мэри ощупывала его каждое утро и, несмотря на все свои надежды, вынуждена была в конце концов посмотреть правде в глаза. Он несколько не уменьшился. То, что росло внутри ее, сумело пережить и солдат, и канаву, и даже лихорадку. С каждой неделей оно становилось все больше. Ночью, повернувшись спиной к Куколке, Мэри обхватывала себя руками и изо всех сил сжимала живот до тех пор, пока ей не начинало казаться, что он сейчас лопнет.

Однажды торговка рыбой, которую Мэри расспрашивала о том, как продавать устрицы, окинула ее корсаж опытным взглядом и заметила:

– Что ж, ты всегда сможешь наняться в кормилицы, если твой собственный не выживет.

Пораженная, Мэри не нашлась что ответить. Она молча развернулась и поплелась домой.

Нужно было рассказать обо всем Куколке. Мэри только собиралась дожидаться подходящего момента и подыскать подходящие слова. Но Куколка всегда понимала все и без слов.

– Пора тебе избавиться от этого, – заявила она как-то раз, ввалившись в их темный чулан. Напрямую, без всяких околичностей.

Мэри, не моргая, уставилась ей в глаза. Ее руки, как обычно, были скрещены на животе.

– Ты хочешь сказать...

– Бож-же ты мой, да неужели они вообще ничему вас не учат в этих школах?

Мэри посмотрела на выпирающую из-под платья округлость.

Куколка бухнулась на продавленный соломенный матрас и глубоко вздохнула. Запах ее дыхания напоминал пожар в кабаке.

– Да ладно, не унывай, – зевнула она. – Это просто здравый смысл, забери меня дьявол, если я не права. Не хочешь же ты сказать, что будешь рожать?

Все знания Мэри о родах ограничивались тем днем, когда родился ее младший брат Уильям. На целый день ее заперли в другой комнате, и она запомнила только тяжелое дыхание, стоны и простыни с пятнами, развешанные на комод для просушки. И Уильяма Дигота, который напился вдребезги и орал: «Мальчик! Мальчик! Теперь мы настоящая семья!»

– Как бы там ни было, а он все равно родится с триппером, – добавила Куколка. – Об этом ты подумала?

На глаза Мэри навернулись слезы ужаса, но она несколько раз с силой моргнула и сумела их прогнать. Этого она не знала. Она представила себе ребенка, прокладывающего себе путь у нее между ног, зараженного кошмарной болезнью еще до того, как он сделает свой первый вдох, и к ее горлу подкатила тошнота.

– Скажи мне... скажи мне, как это остановить, – быстро проговорила она.

Куколка снова зевнула, еще шире, и приподнялась на локте.

– Так. Ну что ж, для волчьих ягод уже слишком поздно... хотя я знала рецепт одного отвара из тамариска, который мог бы помочь... Сядь, – приказала она.

Мэри села. Живот выпирал приличной горкой; она уже не старалась его втягивать. Они обе уставились на него.

– Когда ты его заполучила? В июле? Августе?

– В мае.

Куколка подсчитала на пальцах и прищелкнула языком.

– Шесть месяцев! Ты такая худенькая, никогда бы не подумала, что у тебя уже такой срок. Ну... придется тебе сходить к Ма Слэттери. Другого выхода нет. Но она берет целую крону за услуги.

– У меня нет кроны. – Мэри облизнула пересохшие губы. – У меня нет...

– Я знаю, – перебила Куколка. – Но не говори мне, что ты не знаешь, как ее можно заработать.

Мэри отвернулась.

– Слушай, – жестко сказала Куколка. – Если ты собираешься лежать здесь целую вечность...

– Не собираюсь. И я премного благодарна тебе...

– Мне не нужна твоя благодарность. И кроме того, ею за комнату не заплатишь.

Повисла напряженная тишина.

– Может быть, у тебя что-нибудь есть? – тихо спросила Куколка. – Что-то, что можно заложить? Друзья, о которых ты мне не говорила?

– Нет.

– Тогда используй то, что у тебя есть, вот что я скажу. Торопись это продать, пока ты еще молода и на тебя есть спрос.

Голова Мэри раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, – сама по себе.

– Я не могу, – выговорила она. – Мне плохо от одной только мысли об этом.

Они снова замолчали. Казалось, Долл Хиггинс вдруг отдалилась от нее.

– Если бы ты была так добра, чтобы одолжить мне... – прочувствованно начала Мэри.

В глазах Куколки вспыхнула ярость. Она шлепнула по матрасу, подняв целый столб пыли.

– Значит, то, что я шлюха, – это ничего, мне и так сойдет. Но для нашей ученой из благотворительной школы это слишком грязное занятие! – рявкнула она. – Я должна мараться, чтобы мадам осталась чистенькой? Так вот что я вам скажу, драгоценная мисс: в этом мире, если тебе что-то нужно, ты за это платишь. Ты потеряла девственность в темном переулке, как обыкновенная потаскуха, и, знаешь, эта штука обратно не зарастет. И еще – у тебя триппер и ты беременна, если вдруг ты не заметила. Ты такая же, как мы, одна из нас, хочешь ты этого или нет.

Потом, после того, как Мэри вволю нарыдалась, после всех «Да, хорошо, да, да», Куколка снова стала с ней очень добра. Она обтерла лицо Мэри платком, смоченным в туалетной воде (ее называли «вода венгерской королевы»), и резкий свежий лимонный аромат как будто очистил ей голову.

– Такая молоденькая курочка, как ты, – свеженькая, как огурчик, почти что девственница – да ты сможешь получать по два шиллинга за разик! – воскликнула Куколка.

Эта математика была ей внове. Три «разика» – Мэри не хотела углубляться в то, что означало это невинное вроде бы слово, – по два фунта... это означало одну крону и шиллинг сверх. Кроме того, напомнила она себе, ей ведь уже приходилось этим заниматься. Вряд ли «разик» может быть хуже того, что сделали с ней солдаты в канаве.

– Только один раз, – тихо сказала она.

– Вот и правильно.

– И как только все будет кончено, – Мэри бросила взгляд на свой твердый живот, – я найду себе другое занятие. Клянусь. Даже если за него будут меньше платить.

– Конечно, конечно, – пробормотала Куколка и схватилась за шнурки ее корсета.

Она затянула их так туго, что Мэри вскрикнула. Но Куколка уже выискивала нужное платье в развешанных по стенам.

– Не то... не то... слишком тускло...

Наконец она вытащила наряд из ярко-оранжевого шелка.

– Но оно даже не застегивается!

– Оно и не должно застегиваться, дурья голова. Это платье-полонез.

Куколка впихнула ее в длинное платье и скрепила его на талии.

– Смотри, вот тут оно распахивается, так что видно нижнюю юбку. Клиентам нравятся разрезные платья. И погляди, как подобраны складки сзади! Самый подходящий наряд для женщин вольного поведения. Ты заметила, кстати, что все слова, которыми нас называют, как будто пьяный придумал? Похабные шлюхи, замусоленные блудницы, гулящие девки – вот кто мы. В самом деле, словно язык у человека заплетается.

Шутит, поняла Мэри. Куколка пыталась немного ее развеселить, развеять тревогу, но все равно ей было так страшно, что она даже на мгновение прикрыла глаза рукой.

Не обращая внимания на ее слабость, Куколка бросила ей пару поношенных красных туфель:

– Девушка в нашем деле должна твердо стоять на ногах. Какой с тебя прок, если ты свалишься в обморок у стенки?

– Но я не знаю, как это делать.

– Да что там делать? – Куколка решительно стряхнула с оранжевого платья пыль.

– Слова... что мне сказать, – запинаясь, проговорила Мэри.

– Одежда скажет все за тебя, разве нет? – бодро сказала Куколка. Она провела рукой по украшенному лентами корсажу сверху вниз, где он сужался почти немыслимым образом.

Мэри взглянула на себя в осколок зеркала и покраснела. Ее груди, маленькие и твердые, почти вываливались из корсажа, вздымаясь над ним двумя фарфорово-белыми полушариями. Яркие шелковые рюши пенились у шеи и плеч. Руки выглядывали из грязноватых голубых кружевных оборок. Она выглядела полуодетой. Она выглядела как шлюха, которой собиралась быть сегодня вечером.

– Эти линии ведут их взгляд прямо туда, куда нужно. – Куколка очертила пальцем треугольный выступ корсажа. – А эти округлые складки должны наводить на мысли о сиськах и задницах. Мы подбираем подол – вот так, смотри – и закрепляем его у талии. И это верный знак того, что ты на работе, – на случай, если они и без этого не догадались.

– Лицо не то, – мрачно заметила Мэри. – Я похожа на девочку.

– Но джентльмены и любят совсем молоденьких, разве непонятно? Чем моложе, тем лучше. И у тебя есть свои достоинства. Глаза – красивые и темные. И волосы – можно не надевать парик, только взбить их повыше. Черные волосы теперь очень *la mode*³. И горбинка у тебя на носу совсем крошечная – у меня такая вообще от природы. А еще мужчины любят, когда у девушки пухлые губы... они напоминают им о других! – Куколка непристойно расхохоталась.

Мэри слабо усмехнулась в ответ.

– Так. Теперь все, что тебе нужно, – это немного пудры. – Куколка достала небольшую коробочку и пуховку и принялась обрабатывать ее лицо. – И чуть-чуть красной ленты.

– Красной ленты?

Куколка вздохнула – как всегда, как будто в изнеможении, но на самом деле в восторге оттого, что она может раскрыть Мэри еще один житейский секрет.

³ В моде (*фр.*).

– Это быстрее, чем кармин, к тому же куда дешевле.

Она вытянула из прически алую ленту, пожевала кончик, а потом с силой потеряла им губы Мэри, словно наводя блеск на чайник. Затем настала очередь щек, и они тоже зацвели и порозовели. Настоящее волшебство.

Глядя в зеркало, Мэри наблюдала, как ее лицо превращается в маску. Это была уже не она; это была яркая, дерзкая кукла, и эта кукла не боялась ничего. Она попыталась улыбнуться.

Куколка ухмыльнулась и показала ей язык. Он был пронзительно-красным от ленты, точь-в-точь как у дьявола на картинках.

Мэри расхохоталась. Она схватывала все на лету, как часто повторяла Куколка. Кажется, она уже начала усваивать особый язык этих девушек, бесстыжие, насмешливые, ядовитые словечки, каких она никогда не слышала в школе или в тесных, душных комнатках подвала на Черинг-Кросс-Роуд.

Мэри стояла на перекрестке Севен-Дайлз, выставив вперед бедро, как показывала ей Куколка, и пыталась изобразить на лице такую же кривоватую улыбку, как у нее. Пудра покрывала лицо, словно доспехи, но Мэри чувствовала, как дрожат колени под нижними юбками, выглядывавшими из-под ярко-оранжевого платья. Под колоколом физм гулял ледяной ветер. Чтобы скрыть выпирающий живот, Мэри прижимала к нему меховую муфту. Куколка хотела было присоединиться к ней, но заснула мертвым сном на матрасе, выпив полбутылки джина.

Сама Мэри тоже сделала пару глотков, и теперь джин плескался у нее в желудке. Он немного согрел, но в то же время от него слегка подташнивало. Мэри припомнила, что говорила Куколка: *будешь робеть – далеко не уедешь*. Нужно научиться воспринимать каждого проходящего мимо мужчину в панталонах как клиента, подумала она и отметила, как развязно ведут себя другие «мисс». Они приставали к незнакомцам, клали руку мужчинам на бедро.

– Чего желаете, джентльмены?! – выкрикнула женщина в фетровой шляпке.

– Нужна подружка? – подхватила другая, пристраиваясь под ручку к солдату.

Тот, однако, стряхнул ее и отправился дальше.

– Шиллинг за райское блаженство, – пообещала девушка в каштановом парике.

Мэри вспомнила, что ее зовут Элис Гиббс. Ходили слухи, что она позволяет мужчинам делать это в рот. Мэри передернуло от отвращения, и она поспешила отвернуться.

В конце улицы показался мужчина в красивых бархатных панталонах, и Мэри прочистила горло.

– Четырнадцать, чистая, – пролепетала она.

Мужчина бросил на нее острый взгляд, но прошествовал мимо и скрылся за углом.

Этим словам ее научила Куколка. Так нужно представляться, сказала она. И только половина из этого была неправдой. *Четырнадцать, чистая*. Это почти стихи, подумала Мэри. Как там говорилось в стишках, что она учила в школе?

В душе чистота,
Когда платье опрятное.

– Что-то торговля сегодня идет не очень, верно?! – крикнула девушка с очень светлой кожей, в платье-контуш с серебряной каймой. – Я тебя раньше видела?

– Нет, – нервно ответила Мэри.

Она сказала девушке, как ее зовут, и только потом подумала, что упустила самый подходящий момент, чтобы переменить имя.

Ее товарку звали Нэн Пуллен. Днем та была горничной у одной дамы на Паддл-Док-Хилл – она с гордостью сообщила об этом Мэри, но как только хозяйка засыпала, Нэн вытаски-

вала из ее дубового шкафа платье покрасивее и отправлялась утюжить улицы. Дорогая одежда служила хорошей приманкой для клиентов; Нэн редко простаивала без дела.

– Подстежка здорово помогает сохранить тепло, – со знанием дела заявила она и похлопала по своей толстой нижней юбке. К четырем утра Нэн всегда возвращалась домой, и ей даже удавалось немного соснуть. – Знаешь, а я коплю деньги.

– О, правда? – спросила Мэри.

– В один прекрасный день я открою свои меблированные комнаты, – похвасталась Нэн. – И не буду ни от кого зависеть.

Довольно скоро Нэн засобиралась восвояси. По ее словам, все хорошие клиенты были сегодня на Пьяцца Ковент-Гарден – так ей подсказывало предчувствие.

– Мой нюх меня никогда не обманывает, – сказала она и постучала кончиком пальца по носу. Нэн махнула рукой другим мисс и ушла. Подол ее красивого платья подметал уличную пыль.

Через некоторое время Мэри увидела еще одного мужчину. Он шел, засунув руки в карманы.

– Пусти меня к себе под плащ, милоч, – гаркнула рыжеволосая женщина, прислонявшаяся к ставням. Она старалась держаться в тени, чтобы не было видно, сколько ей лет.

Куколка говорила, что это жена одного лакея-итальянца, которому расплющило руки, так что он не мог больше работать.

За этим мужчиной появился помощник нотариуса в нарукавниках, куда он сложил необходимые бумаги. Рыжая задрала юбки до самых подвязок.

– Как сегодня ваш петушок, сэр?! – крикнула она.

Мэри покраснела, но писарь невозмутимо прошел мимо рыжей, как будто ничего не слышал. Точно так же он прошел и мимо Мэри, но вдруг замедлил шаги, развернулся и посмотрел на нее повнимательнее.

Мэри выпрямила спину и выставила вперед грудь, втянув при этом живот. Она почувствовала, что ее начинает трясти. Только один раз, пообещала она себе. Когда все будет кончено, она непременно найдет другой способ себя прокормить. Должна же найтись работа и для нее. Что-нибудь чинить, или мастерить, или продавать.

Писарь взял ее за рукав и потянул вперед, к свету. Мэри захотелось отвернуться к стене. Ее лицо пылало. Может быть, он начнет разговор с комплимента или с какой-нибудь странной просьбы. Что, если она его не поймет? И когда нужно сказать о том, что ее цена – два шиллинга?

– Девять пенсов, – спокойно сказал писарь, как будто они были в лавке, где продаются пряники.

В глазах у Мэри защипало, но она не смогла ответить «нет». Если она откажется от этого клиента, кто его знает, когда появится другой – и появится ли он вообще?

Они отошли в тень. То, что произошло дальше, показалось Мэри очень странным. Это не было похоже на предыдущие разы. Теперь ее никто не принуждал; она сама позволяла сделать это с собой, даже помогала писарю расстегивать панталоны – ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. В его длинных нарукавниках шуршали бумаги, и это было немного неприятно. Он взглянул вниз, на свое хозяйство, Мэри посмотрела туда же и едва подавила истерический смешок. Она впервые видела эту штуку так близко – что-то бледное и неприлично лысое. Мужчина положил на него ее руку и подвигал взад-вперед, Мэри потерла – точь-в-точь будто вытирала тарелку – и почувствовала, как он растет от ее прикосновений. Это было непередаваемое ощущение собственной власти и силы.

Но писарь вдруг заторопился, задрал ее юбки и раздвинул ноги. Он с силой вошел в нее, и Мэри снова ощутила себя беспомощным ребенком. Ей не было больно – только сухо и как-то тяжело, как будто внутри у нее был груз и ей нужно было его удержать. От писаря исходил теплый и немного затхлый запах старой бумаги. Мэри держалась за его плечи – сюртук

у него был из простого сукна, – слегка пошатываясь от его толчков. В какой-то момент к горлу подступил панический страх, но она сумела его прогнать, думая о своей цели: заработать крону для Ма Слэттери. Пять шиллингов. Десять шестипенсовиков. Шестьдесят пенни.

Все кончилось внезапно – обжигающе-горячий взрыв внутри, писарь ослабел, его колени подогнулись, и на секунду он прислонился лбом к ее плечу. Мэри почувствовала одновременно презрение и жалость. Впрочем, довольно скоро он пришел в себя, выпрямился, поправил одежду и вытащил кошелек.

Девять пенсов. Мэри положила их в карман, пришитый к внутреннему шву юбки у талии. Ну вот. Она сделала это, и ничего, конец света не наступил. Ей заплатили за то, что могли просто отнять. Лоб вдруг заломило от подступивших слез.

После писаря был плотник, обсыпанный опилками, и солдат в старой форме, и старик, от которого пахло так, будто он не мылся никогда в жизни. Потом он сказал ей спасибо. Они были совсем не похожи друг на друга; объединяло их одно – одинаковое, неистовое, нетерпеливое, не знающее преград желание. Как часто говорила Куколка, напившись: *мокрая щелка притягивает мужиков, как кость собаку.*

Между клиентами приходилось подолгу ждать. Между ног было мокро и липко, болел желудок. К полуночи Мэри заработала три шиллинга и даже обрела некоторую уверенность в себе. Она смогла; у нее имелось нечто, за что был готов заплатить каждый мужчина.

Однако вскоре к ней подошла девушка в каштановом парике.

– Время угостить нас, дорогуша, – объявила она.

Мэри уставилась на нее и невольно сцепила руки под муфтой.

– Разве Долл Хиггинс не говорила тебе, что это обычай? – с милой улыбкой спросила девушка. За ее спиной уже собралась небольшая толпа из других мисс. – Те, кто выходит работать в первый раз, всегда угощают других.

Они забрали все, что было у нее в кармане. Мэри не посмела утаить ни одной монетки – она чувствовала, что они все равно нашли бы спрятанное. Плакать она тоже не стала: слезы оставили бы следы на ее накрашенном лице. Ей даже удалось нахально улыбнуться. В конце концов, это была их работа, их территория, и незачем было наживать себе врагов. Впрочем, девушки вели себя довольно дружелюбно. Та самая, в каштановом парике, даже пригласила Мэри в «Бычью голову» хлебнуть горячего вина с пряностями и немного погреться. Но Мэри ответила, что лучше она еще немного походит.

– Вот это молодежь пошла, – заметила одна из мисс, уже не слишком молодая и толстая. – И где они берут силы, ума не приложу.

Теперь Мэри стояла на Севен-Дайлз одна. Закончив с очередным клиентом, она отвернулась от стены и увидела, что рядом уже стоит другой мужчина. Все это время он наблюдал за ними, ожидая своей очереди, и почему-то это было хуже всего. Он даже наполовину распустил шнуровку на своих панталонах, как будто не хотел терять ни секунды.

Он оказался самым большим из всех и самым грубым. Мэри не сопротивлялась, просто крепко сжала веки. В голове у нее стучало только одно слово – слово, которое она не должна была больше произносить. *Мама.* Кажется, после этого клиента у нее слегка пошла кровь, но сказать точно было трудно: по ногам стекало все то, что оставляли в ней мужчины.

После каждого клиента ноги сами собой поворачивали к дому, то есть к Трущобам, но Мэри заставляла себя вернуться к столбу, что торчал в центре Севен-Дайлз. Она скрещивала руки и прижимала их к предательски выступающему из-под платья бугорку, чтобы напомнить себе, ради чего она это делает. Ей нужно заплатить за убийство, и это единственный способ раздобыть деньги.

Пожалуйста. Господи. Кто-нибудь. Пусть это поскорее закончится.

За пару часов до рассвета Мэри, еле передвигая ноги, поднялась наверх по ступенькам Крысиного замка. Она чувствовала себя странно отделенной от собственного тела. Боль в

желудке напоминала барабанную дробь. Семя одиннадцати – или двенадцати, она сбилась со счета, – мужчин превратилось в яд, медленно отравлявший ее внутренности. Мэри ощущала его запах даже сквозь нижние юбки и оранжевое платье-полонез: порочный, сырой, дрожжевой аромат. Ну конечно, поняла вдруг она. Так всегда пахнет от Куколки.

Но она сумела все пережить, и лица ее сегодняшних мужчин уже затуманились в памяти. А в кулаке Мэри сжимала множество маленьких грязных монет – в общей сложности одну крону.

– Ну что, теперь ты одна из нас, а? – сонно сказала Куколка и обняла ее одной рукой.

Потом, на следующий день, всем занималась Куколка. Это она купила большую бутылку джина и отпила из нее только один глоточек. Она отыскала нужный подвал на Кэрриер-стрит. Она прижимала голову Мэри к своей надушенной груди, так что ей не было видно Ма Слэттери. Когда старуха вытащила ржавый нож, чтобы заточить спицу, Мэри почувствовала, как внутри ее нарастает крик – даже не крик, а вой. Он рвался из груди помимо ее воли, но Куколка закрыла ее рот ладонью и стала нашептывать на ухо ласковые, глупые, бессмысленные слова. Потом она встала в головах запятнанной постели, на которой лежала Мэри, завела ее руки за голову и сжала запястья, так крепко, что еще немного – и сломала бы их. Она болтала не переставая: о прелестном платье лавандового цвета, что видела недавно на Монмут-стрит, по фасону почти как полонез, и на него как раз сбросили цену, и как замечательно оно подошло бы Мэри; о новых тиграх в Тауэре, на которых можно сходить посмотреть; о беспорядках на рыбном рынке Биллингсгейт, вызванных ценами на макрель; и о том, что скоро Рождество. Она говорила и говорила, все время, пока молчаливая старуха делала с Мэри такие вещи, которые невозможно описать словами. Мэри корчилась и брыкалась, словно бешеная собака, которую она видела прошлым летом на Холборн-стрит. Казалось, это было десять лет назад. Десять лет назад Мэри была девочкой в школьной форме и неохотно тащилась домой после уроков. Эту, новую, совсем другую Мэри Сондерс сводили судороги, от которых ее тело билось, как обрызганный кровью флаг на ветру.

Это Куколка вытирала ладонью ее рвоту. И именно она, потом, когда все закончилось, вынесла горшок и вылила его в сточную канаву. Но Мэри все равно успела разглядеть то, что там было. Что-то беленькое плавало в крови: червяк, паразит, демон, изгнанный из ее тела. Практически ничто. Не важно. Теперь это было совсем не важно.

Неделю у нее шла кровь. Но когда настало время платить за комнату, Мэри снова вышла на улицу. Ее запястья украшали синяки – словно синие браслеты. *Чего желаете, джентльмены? Чего желаете?*

Глава 2. Магдалина

Потому что, конечно, другой работы для нее не нашлось. В конце концов ей пришлось открыть глаза и увидеть правду. Никакое другое ремесло не принесло бы девушке четырнадцати лет столько денег, сколько получала Мэри – когда она поднабралась опыта и научилась твердо заявлять о своей цене. Мир был устроен ужасно несправедливо, теперь она это понимала. Богатые были рождены для праздности и роскоши, а бедные были все равно что грязь под колесами их карет. Но жизнь предоставляла девушке, которая уже потеряла все на свете, настоящий шанс выкарабкаться. К чему зарабатывать жалкие гроши, ломая руки, ноги, спину или глаза, когда, как говорила Куколка с грубым смешком, *с п... ничего не сравнится?*

Вокруг этого и вертелся весь мир. Этим торговали все женщины, будь то жены или шлюхи, по эту сторону простыней или по ту.

– Ты что, не п-понимаешь? – сказала как-то раз Куколка заплетающимся языком.

Они шли по Оксфорд-стрит. Куколка выхватила бутылку у Мерси Тофт и одним махом допила все, что там оставалось, а потом швырнула ее в свежевыкрашенную дверь четырехэтажного дома. С оглушительным звоном бутылка разлетелась на сотни осколков, и Куколка захлопала в ладоши.

– У тебя есть такая штука, за которую готов зап-платить любой мужик. От баронета до нищего. Только бы засунуть туда свои ручонки.

Она принялась задирать свои нижние юбки, одну за другой, чтобы показать Мэри, что она имеет в виду. Мерси Тофт хохотала так, что не устояла на ногах. Одна только Мэри заметила, как отворилась дверь дома. Она успела перехватить юбки Куколки до того, как та показала свое сокровище целому кварталу, и выпихнула ее обратно на дорогу.

– Это правда, мать твою за ногу! – выкрикнула Куколка. – Ты можешь взять его оружие – во, вот так – и повернуть против него. Прямо ему в лицо!

Ее слова сопровождались еще более непристойным жестом. Мерси уже не хохотала, а стонала от смеха. Ни та ни другая не увидели, что из дома выскочили двое лакеев, посмотреть, что там за шум и почему бьется стекло. Мэри быстро схватила подруг под руки, и они убралась восвояси, не дожидаясь, когда лакеи проломают им голову. Всю дорогу до Святого Эгидия они хихикали.

Зима выдалась мокрой и холодной, но Мэри и Куколка заранее запаслись подбитыми мехом муфтами и накидками. Те согревали их, когда не помогали ни эль, ни вино, ни джин. Большинство девушек выбирали себе определенный участок и работали на нем, но Куколка говорила, что это слишком скучно.

– Весь Лондон – наш публичный дом, дорогуша, – смеялась она.

Мэри уже начинала понимать, что обращаться с мужчинами на самом деле довольно просто. Они не стоили того, чтобы их бояться. Куколка показала ей, где нужно искать клиентов и как понять, что мужчина уже созрел. Мэри совокуплялась с незнакомцами в тавернах, в снятых для этого комнатах, просто на улицах у стены; ее клиентами становились писари и адвокаты со Стрэнда, пьяные в стельку, и богатые евреи с Бишопсгейт, не знающие, куда им деться после заката солнца в субботу, и молодые щеголи, выходящие из клуба «Алмакс», где они только что оставили не меньше сотни.

Теперь Мэри была свободной женщиной, и у нее было больше денег, чем она видела до этого в жизни. Она одевалась в самые яркие цвета, которые только можно было найти на Монмут-стрит – розовые, фиолетовые, оранжевые, – и ее совсем не волновало, что они не всегда сочетаются друг с другом. Лишь бы клиенты обращали внимание. Она знала, что востребована, и ее нарумяненное лицо напоминало веселую карнавальную маску.

Однажды серым зимним утром Мэри впервые за много месяцев вдруг подумала о Боге.

– Мы попадем в ад? – спросила она у Куколки. Ей почему-то сделалось очень не по себе. Куколка усмехнулась:

– Я же латинянка.

– Кто?

– Ну, католичка. Как и мои родители. Я причащаюсь каждую Пасху, обязательно, что бы ни случилось, в любую погоду, – с гордостью добавила она. – Когда я почувствую, что пришел мой час, я просто пошлю за священником и получу отпущение грехов.

– Как это?

– Очищу свою душу от грехов. Все равно что отмоюсь.

Мэри немного подумала.

– А как же я? – с тревогой спросила она.

Куколка невозмутимо пожала плечами, но тут же сжалась.

– Тебе в этой твоей школе когда-нибудь рассказывали о Магдалине? О Марии Магдалине?

Кажется, Мэри слышала это имя.

– Ну... она тоже была блудницей, но потом у нее все стало хорошо, ведь верно?

На Двенадцатую ночь⁴ Куколка отвела Мэри в Королевский театр на Друри-Лейн, «чтобы показать, как обращаются с парнями шикарные дамочки». Они заплатили по шиллингу, чтобы втиснуться на галерку. Цена одного «раза», подумала Мэри. Куколка огляделась по сторонам и заметила, что сегодня в театре не больше полторы тысячи народу. По ее словам, это было всего ничего. В воздухе стоял гул голосов, как будто гудел большой улей.

Мэри почти подташнивало от предвкушения. Говорили, что пьеса новая, переведенная с французского: «Игра любви и случая». Мать была резко против театров и всегда говорила Мэри, чтобы она держалась от них подальше: потому что от людей, которые притворяются совсем другими людьми, не может быть ничего хорошего. В театре было так жарко, что ее плечи покрылись легкой испариной, как будто она сидела под летним солнцем. Занавес подняли только в десять минут шестого, и Мэри так поразили декорации, что поначалу она не видела ничего, кроме них. На сцене росли огромные деревья, стояли позолоченные скамьи, а в небе висела огромная сияющая луна – сама по себе, без всякой видимой поддержки. От ярко горящих ламп исходил запах паленых волос.

Но потом появилась миссис Абингтон, и Мэри забыла обо всем на свете. На актрисе было белое платье в цветочек с фестончатыми оборками, а стомакер украшал ряд крошечных бантиков, уменьшавшихся сверху вниз.

– А управляющий позволяет ей брать из костюмерной любые платья, какие она только захочет? – спросила она у Куколки.

– Брать из костюмерной? Да это ее платья! – фыркнула подруга. – Все актрисы должны иметь собственный гардероб.

Миссис Абингтон вызывала в Мэри одновременно зависть и обожание. Каково это – владеть такими нарядами и выходить на сцену, под взгляды тысяч людей!

– Неудивительно, что им нужны богатые покровители, – хохотнула Куколка.

Мэри пристально посмотрела на нее, пытаясь понять, шутит она или нет, но Куколка, судя по всему, говорила совершенно серьезно. Мэри перевела взгляд на актрису. Эта женщина, порхающая по сцене, выглядела так, будто никогда в жизни не видела мужского достоинства. Разве может девушка, вступившая в ряды мисс, сохранить такое лицо? Это было невероятно.

⁴ Двенадцатая ночь – название языческого праздника в Англии, отмечаемого в Крещенский вечер – в ночь с 5 на 6 января.

Наверное, с актрисами все по-другому, решила Мэри. Может быть, когда они залезают к мужчине в панталоны, то притворяются кем-то еще – как будто это и не они...

Было довольно трудно уследить за тем, что говорилось на сцене, потому что актеров заглушали комментарии публики, шум вееров и сплетни об очередной появившейся в ложе графине или виконте. Но тем не менее Мэри уловила сюжет. Миссис Абингтон играла графиню, которая в шутку поменялась одеждой со своей горничной. Поразительно, до чего человек может преобразиться, надев шляпку, или передник, или золоченую пряжку, подумала Мэри. В этом-то и вся разница. Если ты выглядишь как леди, мужчины кланяются тебе, а если как служанка – то пытаются потискать за дверью. Однако ни хозяйка, ни горничная не знали, что джентльмен, который пытался ухаживать за графиней, тоже поменялся одеждой со своим лакеем. Получалось, что все друг другу лгут и никто не знает, с кем именно он флиртует, и это было очень смешно.

Каждый раз, когда реплики актеров вызывали в зале взрыв смеха, Куколка толкала Мэри под ребра:

– Мотай на ус. Вот как надо отвечать. Это и есть остроумие.

– Если бы ты хоть на минуту закрыла рот, я бы, может, и услышала, что они говорят, – прошипела Мэри и ткнула ее в ответ.

Конечно, у них было полно знакомых, а кое с кем они даже приятельствовали – например, с Мерси Тофт, или с Нэн Пуллен, или с Элис Гиббс, или с братьями Ройл, что держали кабачок за углом, – но на самом деле, как начинала понимать Мэри, у нее и Куколки не было никого, кроме друг друга. Даже когда толпа разносила их в разные стороны – той зимой они принимали участие в «потехе с чучелами» и вместе со всеми жгли чучело хозяина шелковой мануфактуры, который отказывался поднимать рабочим плату, – даже тогда Куколка и Мэри старались не терять друг друга из виду. Они говорили на своем собственном, понятном только им языке, имели свои собственные шутки. Может быть, их и разделяли целых семь лет, но они понимали друг друга с полуслова, так что если одна начинала предложение, другая всегда могла его закончить.

По ночам Куколка часто напевала одну старую песенку:

Красная лента и золотая,
Танцуй до упаду, пока молодая.

Не было такого места в Лондоне, где бы Мэри не делала этого с клиентами – начиная от вылизанных мостовых Уэст-Энда и заканчивая перепутанными улочками в районах кокни, где, как краски в огромном чане, смешались испанские евреи, индийские матросы, черные и китайцы. Она отдавалась бондарям и башмачникам, точильщикам и стекольщикам, сторожам и акцизным чиновникам, и мяснику с грубыми обветренными руками. В толпе, что собралась в Мурфилдс по случаю проповеди знаменитого мистера Уэсли, Мэри три раза поработала рукой и получила в общей сложности два шиллинга. Она раздвигала ноги перед каменщиком-ирландцем в Мэрилебоне, перед ткачом-французом – он оказался гугенотом – в Спайталфилдс, перед джентльменом-плантатором, который только что прибыл с Ямайки, и перед студентом-эфиопом, который изучал медицину. С него Мэри запросила двойную цену; ходили слухи, что у чернокожих огромный член, и она побоялась, что эфиоп ей что-нибудь повредит. Однако выяснилось, что хозяйство у него не больше, чем у обычного англичанина, и таким образом Мэри узнала еще кое-что новое. Ей был знаком каждый уголок большого города – от почтовой кареты, что ходила по Пэлл-Мэлл, до ограды церкви Святого Климента, до комнатухи наверху «Ягненка и флага» на Роуз-стрит. Ту комнату снимал один погонщик скота из Уэльса.

– Полежи спокойно, – сказал он Мэри после того, как все закончилось. Как и все уроженцы тех краев, он слегка пришепetyвал. – Просто полежи спокойно, красотка, и я заплачу еще два пенса сверх.

У нее выдалась пара неудачных ночей, но она постаралась поскорее о них забыть. Однажды, когда Мэри явилась домой со следами ногтей клиента на шее, Куколка назвала ее мямлей и простофилей и показала, как ударить мужчину коленом, чтобы у него еще неделю болели яйца.

Мэри знала, что никогда не умрет с голоду. Теперь она была в этом уверена. *Мокрая щелка притягивает мужиков, как кость собаку.* У нее между ног был волшебный кошелек, который никогда не пустел, – совсем как в той сказке.

После двух месяцев работы все клиенты слились в одну серую массу, но было среди них несколько таких, которые ей запомнились. Например, как тот парень с сальными волосами, что взял ее прямо у стенки кареты и – как Мэри осознала позже – по ходу дела ловко срезал у нее карман. Можно было догадаться, что это жулик, корила она себя. У него были бегающие глазки.

Одним из постоянных клиентов был молодой шотландец, которого девушки прозвали Мистер Латы. Между собой они все смеялись над ним, потому что Мистер Латы всегда надевал на себя что-то вроде мешочка из оболочки овечьего кишечника.

– А это еще что такое? – встревоженно спросила Мэри, когда увидела его самый первый раз.

– Кондон, – ответил шотландец, высвобождая из корсета ее грудь. – Из соображений здоровья.

Мэри вытянула руку, отстраняя его.

– Каких таких соображений?

Мистер Латы пожал плечами:

– Он защищает меня от нехороших болезней. От сыпи, разных выделений.

– Что? Так ты что, надеваешь этот кондон всякий раз, когда этим занимаешься?

Он нетерпеливо дернул шнурки корсета.

– Ну, не с леди, ясное дело. Только с... девушками из города.

Мэри пронзительно рассмеялась – совсем как Куколка, подумала вдруг она.

– А как же мы? – спросила она, тем временем как Мистер Латы уткнулся лицом в ее груди и задрал юбки. – Разве мы, шлюхи, не можем подцепить от вас «насморг» или «клубничку»? Точно так же, как и вы от нас?

Он изумленно посмотрел на нее, будто не ожидал, что она вообще может рассуждать.

– Ну... в вашем ремесле иначе не бывает, – выдохнул он и принялся раздвигать ей колени, придерживая при этом свой футляр.

Но Мэри решила задать еще один, последний вопрос.

– А я могу купить этот кондон?

– Конечно можешь, – с невозмутимым лицом ответил Мистер Латы, но тут же ухмыльнулся. – Вот только я не представляю, на что ты его наденешь.

Через секунду он был уже внутри, глубоко-глубоко, и ему стало совсем не до разговоров.

Одним из лучших мест для охоты был Сохо-сквер часов в пять утра. Как раз в это время заканчивались балы по подписке, что устраивала миссис Корнелис, и лорды выходили на улицу. Однажды Мэри уединилась в кустах с джентльменом, который оказался членом парламента. Он без конца болтал о каком-то месье Мерлине, появившемся на балу в туфлях на колесиках.

– На колесах! Честное слово!

– Не может быть, – пробормотала Мэри и потеряла выпуклость на его панталонах. Какой невероятно мягкий бархат, машинально отметила она.

– Он мчался как птица – пока не врезался в зеркало миссис Корнелис. Грохот, кровь, битое стекло повсюду... н-да, доложу я вам. Бедный лягушатник.

– Бедный лягушатник, – повторила Мэри, высвобождая из панталон немного кривоватый член. – Бедный, бедный маленький лягушатник.

– Не такой уж и маленький, а? – несчастным голосом спросил он.

Должно быть, лорд был сильно пьян или бредил – что за дикую историю он выдумал, подумала Мэри. Но, взбираясь на него верхом, она видела перед глазами эту картинку – маленький француз, несущийся над землей, словно ласточка, прямо навстречу беде.

Как-то раз ей повстречался носильщик с надорванной спиной – он таскал носилки богатым горожанам, чтобы заработать себе на жизнь, и каждый шаг причинял ему невероятные страдания. Он даже заплатил за комнату, чтобы они смогли сделать это лежа. Мэри устроилась сверху и пообещала, что не будет его трясти. И какое же это оказалось наслаждение – немного поспать после всего! Мэри приснилось, что она едет по городу в королевской карете, украшенной золотом.

Очень разборчивой она, конечно, не была. Уличные мисс не могли позволить себе такую роскошь, «не то что эти сучки из борделей, что валяются на бархатных диванах», по выражению Куколки. Мэри ложилась даже с борцами, что дрались на ярмарках, – их лица были искорежены чужими кулаками. Однажды ей попался матрос, у которого было только одно яичко; второе было выедено сифилисом. Он клялся, что давным-давно вылечился, но Мэри все равно ограничилась «ручной работой». Теперь мало что могло внушить ей отвращение. Она не отказывала клиентам, которые просили их высечь, – эти парни любили играть в строгую мать и непослушного сына. Самый первый раз Мэри еще подумала, что это странно: мужчина, который хочет, чтобы ему причинили боль, вместо того чтобы причинять боль самому. Как-то раз ей попался извращенец, который пообещал ей два шиллинга за то, что она позволит плюнуть себе в рот. Единственными, с кем Мэри никогда не связывалась, были угольщики; ее воротило от запаха угольной пыли и начинало казаться, что она снова сидит в подвале на Черинг-Кросс-Роуд.

С той ночи, как она покинула дом, в прошлом ноябре, Мэри ни разу не встречалась ни с кем из Диготов. Однажды на Линкольнз-Инн-Филдс она увидела женщину с огромным узлом ткани на спине; она сгибалась под его тяжестью. Но конечно же это не могла быть Сюзан Дигот. Слишком далеко от Черинг-Кросс-Роуд. «Приличные люди не забредают в такие дали, как мы, – говорила Куколка со своей чудной кривой улыбкой. – Приличные люди сидят на своем месте».

Иногда Мэри гадала, пыталась ли мать хоть раз разузнать, что с ней случилось. Расспрашивала соседей или, может быть, поглядывала по сторонам. Когда-то она любила Мэри – должно же было хоть что-то остаться от этой любви? Хоть крохи? Неужели можно выкинуть родное дитя из своей жизни, вырезать его, как будто оно никогда и не появлялось на свет?

Конечно, это уже не имело значения. Теперь Мэри ни за что не вернулась бы назад, даже если бы Сюзан Дигот сама вскарабкалась по шатким скрипучим ступенькам Крысиного замка и на коленях умоляла дочь пойти с ней домой. Она едва помнила свою прежнюю жизнь – скуку, бесцветность, бедность, даже не нужду, а бедность духа, устремлений; долгие часы молчания, когда они все сидели у дрожащего огня. Нет, нет – слишком поздно для возвращения. Или хотя бы прощения.

* * *

С Куколкой жизнь никогда не была скучной или бесцветной. Она не упрекала, не читала проповедей, не давала заданий. Они ложились спать прямо в румянах и белилах, и краска оставляла грязные потеки на подушках. Ирландка, что обитала в подвале Крысиного замка, за плату стирала им одежду. Раз в несколько недель Мэри и Куколка ходили в баню и долго

отмокали в обжигающе горячей воде. Ужин они брали в таверне или обходились без него, смотря по тому, что было у них в кошельках, и никогда не готовили, вообще ничего, даже не поджаривали тосты. Когда замерзали руки, они покупали у торговков вразнос чай и кофе. А еще они пили любые спиртные напитки, какие попадались под руку, и не загадывали дальше, чем на день вперед.

Любовницы свободы – так называла их Куколка. Они вставали когда хотели, и не ложились всю ночь, если было такое желание, и в любое время могли вернуться домой и завалиться спать. Первый раз за всю жизнь у Мэри появилось время для безделья. Клиенту редко требовалось больше, чем пятнадцать минут. Никто не стоял над ней с кнутом, она могла отказать одному и отдать предпочтение другому или вообще послать всех к черту, если вдруг все надоело. Иногда они с Куколкой брали выходной и проводили вечер в трактире – сидели у огня и курили одну трубку на двоих. Джин смягчал и размывал границы, превращал скуку в веселье.

Однажды вечером Мэри повстречался молоденький подмастерье – он играл в крикет на Лэмз-Кондуит-Филдс. У него было свежее, хорошенькое личико, и на вид Мэри дала бы ему не больше двенадцати.

– В какую цену, мисс? – спросил он, совсем как Джек Бобовый Стебель, оказавшись первый раз на рынке.

– Больше, чем у тебя есть, – с усмешкой сказала она и потрепала его по подбородку. Пушок на нем был мягкий и шелковистый, словно у котенка.

– У меня есть шиллинг, – серьезно сказал паренек, полез в карман и достал монету.

Скорее всего, утащил у хозяина, чтобы заплатить за «учебу», подумала Мэри, но деньги все равно взяла. Она взяла мальчика за руку и отвела за большой куст падуба. Земля была мягкой и чуть-чуть сырой.

Потом ей стало грустно. Хотелось верить, что она не заразила мальчика триппером – хотя в общем-то Мэри думала, что она уже очистилась. Лихорадки у нее не было, выделений тоже, и она всегда подмывалась джином, если он был, или просто писала после, если не было. Но конечно, сказать наверняка было невозможно.

– Ну, теперь ты знаешь, как это бывает, – сказала она мальчику, когда он застегивал пуговицы.

Он ослепительно улыбнулся в ответ.

– Найди себе девушку и не трать зря деньги, – посоветовала Мэри.

Перед тем как убежать, он послал ей воздушный поцелуй.

В ту ночь они с Куколкой лежали в темноте на своем полусгнившем матрасе и говорили, говорили, говорили – до тех пор, пока поэт, что поселился в соседней комнатухе, не застучал в стену кулаком.

Многие мисс вдобавок к основному занятию еще и воровали у клиентов кошельки. Из-за этого их ремесло пользовалось дурной славой, к тому же это было опасно.

– Для этих, благородных, нет ничего хуже воровства. Они даже сифилис стерпят, а это нет, – учила Куколка.

Но у Мэри и без нее были свои принципы. Только один раз она обчистила клиента – и то он оказался лживой собакой и не отдал ей обещанные полкроны; за эти деньги Мэри согласилась на то, чтобы он побил ее башмаком перед тем, как отыметь. Она дождалась, пока он напьется и заснет за столом таверны, а потом сбежала, прихватив две латунные пряжки для туфель и серебряные часы.

– Справедливо, – заметила Куколка, оценив добычу.

Мэри никак не могла взять в толк, почему женщины вообще соглашаются делать это задаром. Некоторые хотели иметь детей, это она знала. А другие занимались этим для удоволь-

ствия – или из любви, как они это называли. Даже Куколка иногда отдавалась бесплатно, чаще всего одному плотнику-поденщику, у которого была очень нежная кожа.

– Но это же утешение, – отговаривалась она.

Однако Мэри этого не понимала. Мерси Тофт тоже имела любимчика, какого-то книжника-француза. Он был настолько же бледным, насколько она темной. Время от времени, когда ее сутенера не было рядом, она тайком приводила француза к себе. Эта непонятная жажда ставила Мэри в тупик.

Никогда в жизни она не чувствовала того, что называется желанием, но знала о нем достаточно, чтобы уметь подделывать. Она научилась вести «грязные» разговоры. Секрет был даже не в словах, хотя некоторые клиенты сильно возбуждались, когда она говорила непристойности, а в особом тоне. Если тон правильный, можно нести любую чушь, болтать хоть о каше, в этом Мэри убедилась на собственном опыте. Весь трюк состоял в том, чтобы притвориться, будто она и сама взволнована. Легкий стон, вздох, низкий голос, прерванная на полуслове речь – все мужчины велись на это, как дети, и это ускоряло развязку, как ничто другое.

Иногда ночью Мэри лежала рядом с Куколкой и ее плотником и делала вид, что спит, пока они барахтались на матрасе. Куколка билась и выгибала спину, словно ей было больно, но ее рот был мягким и влажным, а лоб покрывала испарина. Отвернувшись, Мэри бездумно смотрела в темноту.

Она никогда не раздвигала ноги, повинувшись нуждам собственного тела, только ради тех вещей, что можно было за это получить: деньги, кров... свободное время. Она продавала не себя – в этом Мэри была уверена. В конце концов, мы все всего лишь берем напрокат платье, которое называется кожей.

С тех пор как они побывали в подвале у Ма Слэттери, у Мэри ни разу не было месячных, и это ее ничуть не расстраивало. Так даже лучше, рассудила она. Безопаснее. Сначала она думала, что это просто перерыв, но потом решила, что ее женское время кончилось. Это было немного странное ощущение – насовсем разделаться с месячными и деторождением в четырнадцать лет. Но среди мисс такое случается, подтвердила Куколка. Ну и, в конце концов, разве это не преимущество для девушки их ремесла – покончить со всеми этими делами раз и навсегда?

Мэри подозревала, что сама Куколка по молодости лет произвела на свет пару-тройку детишек, но расспрашивать не решалась. Да и что толку – несчастные вряд ли выжили.

Ей до смерти хотелось узнать историю жизни подруги, но приходилось выведывать все понемногу, то там, то тут. На прямые вопросы Куколка не отвечала. Однажды, когда они проходили мимо лавки париков на Монмут-стрит, Куколка невзначай обронила, что ее первый делал парики.

– Кто-кто?

– Мой первый. Ну, тот, кому меня продали мои старики.

Мэри бросила на нее настороженный взгляд. Она никогда не могла понять, шутит Куколка или говорит серьезно.

– Он услышал, что девственница может вылечить сифилис, – сказала Куколка и рассмеялась своим странным дребезжащим смехом, будто камешки гремят в стеклянной банке. – Выкинул деньги на ветер!

Отставшая было Мэри прибавила шагу.

– Сколько тебе было лет?

Куколка пожала плечами.

Это значит, что она не помнит или что это не имеет значения, подумала Мэри.

В тот день Куколка больше ничего не сказала, но потом, некоторое время спустя, когда Мэри спросила снова, все же ответила:

– Мало. Так мало, что я ничегошеньки не знала. Подумать только! Я тогда решила, что парень в меня пописал, можешь себе представить! – И она снова рассмеялась этим жутким смехом. Казалось, он исходил из самой ее утробы.

Как-то мартовским вечером за церковью Сент-Мэри-ле-Боу Мэри наткнулась на пару матросов. Они во все горло орали «Старые шлюхи Англии».

– Вечер добрый, мои золотые, – сказала она, но, кажется, они ее не услышали.

Тот, что был повыше, затянул куплет:

Было время, мы могли
Баб иметь и драться,
Хрен стоял, и нож был остр,
Хошь куда вонзаться.

К первому присоединился второй:

Но теперь мы словно куча
Старого дерьма.

Вдвоем они заголосили припев:

Старые шлюхи, добрые шлюхи,
Куда вы девались, куда!

Мэри стояла рядом и с улыбкой дожидалась окончания песни. Наконец один из матросов повернулся к ней. Его штаны были расстегнуты, и свой инструмент он держал в руке. Мэри сделала шаг вперед, но он толкнул ее в грудь.

– Да я к тебе и вилами не притронусь, дорогуша! – крикнул он.

Мэри отскочила, но матрос все же успел окатить струей мочи ее лучшую фиолетовую юбку. Его приятель попытался присоединиться, но он гоготал как безумный и не смог как следует прицелиться.

– Да чтоб сгнили ваши поганые содомистские задницы! – завопила Мэри.

Она, конечно, знала, как постоять за себя, однако это было слабым утешением. Потом, в Крысином замке, Мэри попыталась отчистить юбку. Куколка клялась, что она совсем как новая, но Мэри все равно чувствовала едкий запах мочи.

Вообще-то она не имела ничего против того, чтобы делать это с заднего хода. Немало клиентов хотело заниматься этим только так. Некоторые мисс заявляли, что они скорее дадут перерезать себе горло, чем позволят подобную мерзость, но Мэри не понимала, из-за чего весь шум – ведь, в конце концов, между той и этой дырками не более дюйма. Этому ее обучил один часовщик; и хотя Мэри оставила на его руке глубокие отметины своих зубов, потом она была очень благодарна ему за урок. В тот, первый раз, она оказалась совсем не готова и не поняла, зачем часовщик поплевал на свою штуку. Когда он протолкнул ее внутрь, Мэри завизжала от боли. Но потом – и в ту ночь, и в другие – она научилась одному трюку. Если представлять себе, как со скрипом отворяется дверь или как слезает кожура с апельсина, то больно почти не будет. Мэри Сондерс могла раскрыться как угодно, прогнуться под любым углом, привыкнуть ко всему – лишь бы это принесло ей звонкую монету.

Однажды утром Мэри уже запустила руку в штаны к какому-то шорнику, когда, случайно обернувшись, вдруг поняла, что стоит возле ворот своей бывшей школы. При виде маленьких

фигурок в серых, наглухо застегнутых платьях, что выстроились во дворе, ею овладело странное чувство. Какой же наивной сопливой девчонкой она была всего год назад!

В один из вечеров, когда Мэри и Куколка сидели в таверне, ели горячий пирог с голубями и облизывали обожженные пальцы, неожиданно выяснилось еще кое-что интересное. Мэри кивнула на только что покрашенную дверь борделя, что располагался напротив:

– Как думаешь, они принимают на работу девушек?

Куколка презрительно фыркнула.

– Дорогая моя, клиенты, которых подбираешь на улице, требуют только одного – чтобы ты раздвинула ноги. А в публичных домах джентльмены платят много... и за эти деньги девушка должна визжать от удовольствия и закатывать глаза. – Она грубо хохотнула.

– А ты откуда знаешь? – спросила Мэри.

– Я же отработала два года у мамыши Гриффитс, разве нет?

– Я не знала.

Куколка ядовито улыбнулась.

– Значит, не все в мире ты знаешь. Наверное, с тех пор, как я вытащила тебя из той канавы, ты кое-чему и научилась, но все равно ты еще зеленая.

– Ну так расскажи мне про мамашу Гриффитс, – предложила Мэри. Ссориться ей не хотелось.

Куколка пожала плечами и помотала головой.

– Да что тут рассказывать? Лежишь на диване и ждешь, когда тебя отымеют, вот и весь разговор. Так что через два года я сбежала. Захотела свободы.

Мэри улыбнулась.

– Но проклятая сука послала за мной Цезаря, чтобы он преподавал мне хороший урок.

– Кто такой Цезарь?

– Ну я же говорю – ты совсем еще зеленая, – с нежностью сказала Куколка. – Не знать Цезаря!

Она показала его Мэри на следующий день на Стрэнде. Цезарь оказался африканцем. Он был одет в белый бархат, а на голове у него возвышался ослепительной белизны парик. Черное, как лакированное эбеновое дерево, лицо резко выделялось на его фоне. На всем облике Цезаря лежал тот особый лоск, который могут дать только деньги.

– В следующий раз сможешь узнать его сама.

– Да, – прошептала Мэри. Она не сводила с Цезаря глаз.

– Говорят, он участвовал в бунте, – с нажимом сказала Куколка.

– Где?

– На невольничьем судне, где же еще! Ты совсем ничего не знаешь. В Вест-Индии. Черные восстали и перебили хозяев. Ну, так говорят. Можешь себе представить!

Мэри еще раз посмотрела на мужчину по имени Цезарь. Положив руку на бедро, он разговаривал с какой-то девушкой. На нем были безупречные панталоны из нежнейшей оленьей кожи, и Мэри почувствовала, как по спине у нее пробежала дрожь. Подумать только, когда-то этот человек был закован в цепи, а теперь он стоит тут и ему принадлежит едва ли не весь Стрэнд! Значит, Сюзан Дигот говорила неправду. Не всегда люди остаются на том месте, что назначено им от рождения.

– Должно быть, это одна из его шлюх. А вон там, между колоннами, стоит другая. И те две, что кокетничают с гренадером, тоже его, – сказала Куколка. – Цезарь владеет всей улицей, от Джордж-Корт до Картинг-Лейн. И никто не смеет встать у него на пути. Говорят, у него сильная защита.

– Защита?

– Ну да. Черная магия, понимаешь?

Это было похоже на правду. Никто не отважился подойти к сутенеру и его девице ближе чем на ярд. Толпа расступалась перед ним, словно воды перед Моисеем. И Мэри поняла почему – когда приблизилась достаточно, чтобы разглядеть нож Цезаря, подвешенный к его блестящему поясу. В воздухе висел дурмящий аромат его напомаженного парика. Цезарь улыбался. Мэри не посмела заглянуть ему в глаза. Она торопливо отступила назад, поближе к Куколке. Ужасная мысль вдруг пришла ей в голову.

– Но ведь... не может быть, чтобы это он...

Куколка потрогала шрам, как будто хотела убедиться, что он там, не отрывая глаз от царственной фигуры африканца.

– Ага. Цезарь в то время служил у мамыши Гриффитс. Это потом он стал сам себе хозяин. Имей в виду, я еще легко отделалась. Он меня пожалел, надо отдать ему должное.

– Легко отделалась? – Мэри протянула руку к изуродованной щеке подруги, но дотронуться не решилась. Как может Куколка говорить об этом так легко, словно произошедшее случилось не с ней, а с кем-то еще?

– Помнишь карточного шулера с половиной носа – мы видели его на днях?

Мэри кивнула.

– А на Пиг-Лейн нашли девушку, у которой вообще не было лица. Это тоже его работа. Говорили, что она задолжала ему денег и пустилась в бега.

Мэри представила себе, как огромный нож опускается ей на лицо, и зажала рот рукой.

– Ну что ж – если бы он плохо делал свое дело, его бы не нанимали, так? – разумно заметила Куколка.

Мэри ничего не ответила.

– Так что все могло быть гораздо хуже. Я называю это «поцелуй удачи». – Куколка постучала по шраму длинным, не очень чистым ногтем. Потом она закинула одну руку за плечи Мэри, и они неспешно пошли прочь. – Пусть это будет тебе урок, моя милая. Никогда не связывайся ни с сутенерами, ни с мамками, ни с публичными домами. Каждая сама за себя, помнишь? И вот тебе первое правило: *никогда не расставайся со своей свободой.*

Значит, это была свобода. Мэри уже начинала чувствовать на языке ее вкус: сладость пополам с тошнотворным, соленым страхом.

* * *

Куколка умела определять людей по покрою их платья и качеству материала. В этом ей не было равных. Она подмечала все детали, знала все ткани – от лионского бархата до дешевой фланели. Как-то в конце марта, который выдался на редкость холодным, они с Мэри возвращались с Кок-Лейн, что в Смитфилде, куда ходили посмотреть на знаменитый призрак Отравленной Леди, что стоило им по полпенни; призрак, однако, так и не появился. Куколка показала на девушку, что торчала на углу Мэйден-Лейн, с приятным, но очень худым лицом. Из одежды на ней была только рваная рубашка и одна нижняя юбка.

– Эта не доживет до лета, – безразлично заметила Куколка, как будто говорила о погоде.

Мэри взглядела в худышку, пытаясь увидеть печать смерти у нее на лице.

– Замерзнет?

– Умрет с голоду, – поправила Куколка, – если только не выпросит, или не займет, или не украдет себе хорошее платье. Без этого на нее ни один клиент не посмотрит.

– Вообще-то она хорошенькая, – возразила Мэри. Она еще раз посмотрела на маленькую фигурку на углу.

– Да ведь они хотят не нас, дурында! А в этих тряпках девушка может быть только самой собой, больше никем. Запомни, миленькая: лучше неделю не ужинать, чем заложить свое последнее приличное платье.

Это было правило номер два: *женщину делает одежда.*

В другую ночь они неторопливо прохаживались возле клуба «Алмакс», когда мимо промчался фаэтон. Его дверца напоминала крыло птицы.

Мэри толкнула Куколку локтем:

– Видала? Это что еще за красotka?

– Эта? – Куколка широко улыбнулась, так что шрам у нее на щеке как будто смялся. – Да просто-напросто раскрашенная шляха, не лучше, чем мы с тобой. Да к тому же на десять лет старше.

– Да нет! Она точно из благородных.

– Какая же ты дурочка, Мэри Сондерс. Тебя так легко провести на всякой мишуре.

Стоя за колонной, они увидели, как к фаэтону торопливо подбежал толстый джентльмен и подал даме руку.

– Посмотри на ее нижнюю юбку, – прошептала Мэри. – Это же травчатый атлас, разве нет? – Она тоже научилась подмечать детали и немало этим гордилась.

– Только в разрезе, – презрительно бросила Куколка. – А все остальное, там, где не видно, – простой муслин. А эти бриллианты у нее в ушах – обыкновенные стекляшки. К тому же, – ядовито заметила она, – если она распустит корсет, бьюсь об заклад: ее сиськи вывалятся прямо на живот.

Мэри хихикнула:

– Старая завистливая потаскуха, вот ты кто.

Куколка уперла руки в бока и вздохнула, так что всколыхнулась ее пышная белая грудь.

– Попомни мои слова: она вытянет из него еще пару подарков и продержится пару месяцев, но годового содержания не получит. И еще кое-что... – Парочка вошла в клуб, и Куколка проводила их взглядом. – Могу поклясться: под этими мушками у нее оспины глубиной с твой ноготь.

– А это ты откуда знаешь?

– Да у нее только что спала лихорадка. Она же бледная, как блевотина.

Мэри впитывала все, чему учила ее Куколка. Той ночью она запомнила еще один урок: *одежда – это самый большой обман на свете.*

* * *

Однажды в апреле они проходили по Черинг-Кросс-Роуд. Когда они поравнялись с дверью, что вела в тот самый полуподвал, где жила семья Дигот, Мэри слегка затрепетала. Но Куколка ничего не заметила, и Мэри решила промолчать. Она украдкой взглянула на окно, но стекло было таким грязным, что рассмотреть ничего не удалось. Теперь там мог жить кто угодно. А может быть, и вообще никто.

Ей вдруг пришло в голову, что она изменилась до неузнаваемости. Золотой прииск находился не только у нее между ног. Довольно скоро Мэри поняла, что еще одно сокровище, которым она владеет, – это ее язык. Если она спускала его с привязи, то могла быть такой дерзкой и грубой, как не всякий мужчина. Ее слова ранили, словно бритва. Мэри находила огромное удовольствие в язвительных остротах, однако чаще все же сдерживалась. Ей не хотелось превратиться в злобную ведьму.

Хотя ей все равно было нечего сказать той женщине, что была когда-то ее матерью, даже если бы они и столкнулись где-нибудь на улице. И в любом случае Сьюзан Дигот вряд ли узнала бы свою бывшую дочь, затянутую в корсет, в цветастой жакетке и уже поношенной шелковой юбке, растянутой широкими фижмами. Теперь Мэри выглядела как настоящая горожанка. От нее даже пахло по-другому, резким, дразнящим лимонным ароматом модной туалетной воды.

Какой же дурочкой была Сьюзан Дигот! Она всерьез считала, что любой человек в платье с золотыми галунами лучше и выше ее и чем шире юбка, тем благороднее происхождение! Мэри своими глазами видела, как простые женщины расхаживают по сцене на Друри-Лейн, словно королевы. Куколка открыла ей глаза на все хитросплетения жизни, ее темные закоулки, тупики и подворотни. Постепенно Мэри начало казаться, что герцогиня – это что-то вроде уличной проститутки, которой посчастливилось снять богатого высокогородного клиента.

В четырехэтажном доме на Голден-сквер жила леди, некогда известная свету под именем Ангельская Задница. На углу Гайд-парка герцог Кингстонский начал возводить особняк для мисс Чадли, которая была его любовницей уже двенадцать лет – и все еще ему не надоела! Прославленная Китти Фишер, по слухам, готовилась променять всех своих именитых любовников на богатого супруга, члена нижней палаты парламента. Приятное личико и немного удачи – вот и все, что требуется девушке.

Длинными светлыми вечерами Мэри сидела на траве на Лэмз-Кондуит-Филдс, за Холборном, и наблюдала за парочками, что прогуливались вокруг. В воздухе стоял легкий, приятный шум: стрелы лучников со свистом вонзались в мишень, сталкивались кегли на зеленой лужайке; кто-то состязался в борьбе; иногда издали доносился лай и рычание дерущихся собак. Первый раз со школы она снова взялась за чтение. Она покупала дешевые романы в потрескавшихся переплетах и старалась запоминать длинные слова, что там встречались, – на случай, если это когда-нибудь пригодится. Самой ее любимой книжкой стала «История Памелы Эндрюс». Ее восхищала хитрость служанки, раз за разом отказывавшей своему хозяину и в конце концов выудившей из него предложение руки и сердца. Пожалуйста, вот и доказательство, думала Мэри. Ведь сменила же Памела свой передник на атласный подвенечный наряд и в итоге стала настоящей леди, ничуть не хуже других! В наше время девушка с умом может подняться так высоко, как только захочет, словно сливки на молоке. В этой жизни возможно все.

В мае Мэри исполнилось пятнадцать. Куколка подарила ей шляпку с высоким пышным пером. Между ее прошлой жизнью и настоящей теперь протекала широкая река.

В один из дней каждого месяца все шлюхи вставали особенно рано. День казней.

Был жаркий июль, и сам воздух, казалось, был пропитан запахом мести. Сегодня должны были наконец-то вздернуть мать и дочь Метъярд, а злодейки всегда вызывали у людей особенный интерес. Чтобы влиться в толпу, направлявшуюся от тюрьмы Ньюгейт в Тайберн, Мэри и Куколке пришлось подобрать юбки и хорошенько поработать локтями. Как всегда, на ограде церкви Святого Погребения стоял звонарь и призывал осужденных покаяться, но его было почти не слышно среди общего шума. За это лето Мэри выросла еще больше, но все равно не могла разглядеть преступников поверх голов, поэтому она взобралась на бочку и вытянула длинную шею. «Да смилостивится над вами Господь!» – воскликнул звонарь, когда процессия вслед за повозкой проходила вверх по Холборн-стрит. Мэри сумела протиснуться совсем близко, так что увидела даже бледные лица преступников и их шеи, на которых уже болталась веревка. Повозка подпрыгивала на ухабах; и приговоренные, сидевшие спиной к лошади, стукались друг о друга. Их руки были связаны впереди.

В этот день возок был нагружен как следует.

– Сегодня должны повесить шестерых воров! – прокричала Куколка ей на ухо. – Потом еще троих мошенников, беглого солдата, содомита и девушку, которая удушила своего младенца.

Там же, в повозке, сидел Томас Терлис, знаменитый палач, в своей маленькой черной полумаске. А перед ним, как будто под особой охраной... да, должно быть, это были Метъярды. Никаких следов раскаяния на лицах, отметила Мэри. Дочка выглядела ко всему безразличной, а мамаша тряслась, словно в лихорадке. В кармане у Мэри был камень с острыми краями, и она швырнула его в дочку, но промахнулась.

Повозка проехала мимо, и толпа двинулась следом. Мэри попыталась вообразить мать и дочь Метьюрд такими, какими они были раньше, в обычной жизни, а не со спутанными волосами, связанными руками и петлями на шее. Почтенные галантерейщицы – *достойные люди, по всему видно* – прозвучал в ее голове скрипучий голос Сьюзан Дигот. Женщины, которые долгое время пользовались уважением всего прихода за то, что принимали в учение девиц из работного дома.

Однако из Нэнни Нэйлор они сделали начинку для пирога. Мэри помнила все подробности этого кровавого дела, что сообщались в газетах, – она сама читала их вслух для Куколки. Нэнни Нэйлор покинула Метьюрдов в то лето, когда ей исполнилось тринадцать, но девочке так и не удалось рассказать кому бы то ни было, от каких издевательств она бежала. Ей не посчастливилось встретить на пути Долл Хиггинс, которая взяла бы ее к себе. Вместо этого Метьюрды нашли ее, приволокли обратно к себе на чердак и привязали к двери, оставив на жаре без еды и питья. Через три дня они начали говорить соседям, что бедняжка Нэнни куда-то подевалась и они не могут ее отыскать. Потом они разрубили ее тело на куски и выбросили в сточную канаву.

Мэри вывернула шею, чтобы еще разок взглянуть на мамашу и дочку Метьюрд: обе обмякшие, в своих пеньковых галстуках, подпрыгивали на телеге, словно марионетки, у которых перерезали веревочки. Это было так забавно, что она рассмеялась. Они думали, что могут делать с простушками вроде Нэнни Нэйлор что угодно! Что такие беззащитные создания, как она, полностью принадлежат своим хозяевам, и душой, и телом, и живые, и мертвые! После смерти Нэнни Нэйлор прошло несколько лет, и все это время Метьюрды полагали, что другие девушки никогда не посмеют открыть рот и рассказать правду. Они считали себя неуязвимыми.

– Отличный день, а? – сказала Куколка.

Они медленно двигались в толпе; пот лил с них градом, и обе едва дышали.

Мэри ухмыльнулась в ответ.

– И все равно, в день, когда казнили графа Феррерса, народу было куда больше. Просто никакого сравнения. Чтобы пройти три мили, нам понадобилось три часа. А граф всю дорогу жевал табак и махал рукой из окна. И одет он был в белый атлас...

– Да-да, знаю – с серебряными кружевами. Ты мне сто раз говорила, – перебила Мэри.

Казнь графа стала, похоже, одним из самых волнительных событий в жизни Куколки. Но ничто не могло рассердить ее в такой день, как этот. Повсюду были люди – на улицах, на балконах, на перевернутых бочках; лица горели единодушным желанием: увидеть, как вздернут убийц Нэнни Нэйлор. Пахло имбирными пряниками; кто-то заголосил песенку про то, как солдат встретил глупую девку. Мэри немало забавляло, что богатый Уэст-Энд вырос вокруг ужасающего Тайберна. С каждым годом знать перебиралась еще чуть дальше на запад, стремясь отделиться от бедноты, – и что же! Каждый день казни их улицы снова заполняла чернь. Это было очень смешно. Впрочем, многие из них были и сами не прочь полюбоваться редким зрелищем. Мэри заметила три кареты с занавешенными окнами, стоящие так, чтобы было видно виселицу.

Заплатив по пенни, они с Куколкой пробрались на самую верхнюю скамью на подмостках – обе решили, что ради такого случая можно и потратиться. Помощники палача установили огромное черное «тройное дерево».

– Раньше оно стояло здесь круглый год! – прокричала Куколка. – Но из-за него тут было не пройти не проехать.

Возле виселицы уже стоял Томас Терлис, в костюме и маске, и руководил рабочими.

– Он из ученых, – заметила Куколка. – Только говорят, может здорово поскандалить из-за чаевых.

Священник начал читать молитву, но ее заглушал рев толпы.

– Вздерни их! Вздерни их! – закричала Мэри вместе со всеми.

Терлис удостоверился, что все веревки привязаны к виселице и что всем осужденным, сидящим на телеге, надели на голову мешки. Мамаша Метъярд билась в судорогах, и, чтобы натянуть на нее белый мешок, палачу пришлось потрудиться. Мэри почувствовала, что в желудке у нее что-то сжалось. Нет, это была не жалость – или, во всяком случае, не к Метъярдам. На что же это было похоже? Иногда, когда клиент слишком долго елозил взад и вперед у нее внутри, ей хотелось плюнуть ему в лицо. Вот на что.

Палач тронул лошадь кнутом, и телега медленно двинулась вперед. Веревки натянулись, тела заскользили, но установленный порядок вдруг оказался грубо нарушен. Младшая Метъярд неожиданно спрыгнула с телеги и сломала шею. Ее тело тяжело повисло на веревке, словно мешок с картошкой.

Терлис закричал на помощников, а толпа возмущенно завывала.

– Черт бы ее побрал! Это было слишком легко! – крикнула Мэри в ухо Куколке. Она едва не плакала.

Куколка обняла ее за талию. Остальные осужденные умирали медленной, мучительной смертью, как им и полагалось. Одну за другой Терлис затащил веревки потуже. словно актеры в пантомиме, подумала Мэри. Лица, скрытые мешками, дергающиеся ноги, резкий запах дерьма, вдруг разнесшийся в воздухе, друзья и родные, а также нанятые специально для этого помощники, тянущие висельников за ноги, чтобы ускорить конец... К мамаше Метъярд, однако, никого не подпускали. Над головами уже кружились вороны. Мэри уставилась на руки и ноги мамыши Метъярд и смотрела на нее до тех пор, пока у нее не начали слезиться глаза.

Повешенные должны были болтаться на виселице еще час, так что для зрителей наступило время пикника. Куколка достала сладкий пирог, и Мэри с удовольствием съела свою половину, поглядывая на висевших Метъярд. Опилки под виселицей были покрыты грязными пятнами.

Наконец помощники Терлиса осторожно опустили трупы на землю – один поддерживал тело за бедра, другой перерезал веревку, – и в толпе началась обычная свара. Казненных разложили на земле. Следы от веревок на их шеях были похожи на рубиновые ожерелья. Представители хирургов, которые по закону могли выбрать любой из тайнбернских трупов, уже разглядывали тела, в то время как Терлис палкой отгонял родственников и знакомых. Те, кто страдал от бородавок и прыщей, хватались за еще теплые руки и терлись о них щеками.

Мэри не хотелось, чтобы этот славный день заканчивался. Она протолкалась поближе к телам женщин Метъярд и, поддавшись внезапному импульсу, заплатила целых шесть пенсов за дюймовый кусок веревки мамыши.

– Половина того, что получаешь за раз с клиента, – с мягкой укоризной сказала Куколка.

– Да перестань! Будто ты не тратишь на выпивку в два раза больше каждый божий день, а ведь все равно все оказывается в горшке. – Мэри взглянула на грубый обрывок в руке. Интересно, какая именно половина ушла на оплату веревки, подумала вдруг она. Та, что получена за всовывание или за высывывание?

По дороге домой Мэри сообразила, что у нее не осталось денег на ужин. У Куколки тоже не оказалось ни гроша. Мэри огляделась по сторонам и заметила какого-то деревенского простака; из швов на его одежде торчала солома. Она слегка потерлась об него в толпе.

– Ищешь подружку, милый? – Улыбка у Мэри была поистине ангельской.

Парень вытаращил глаза. Он до того смутился, что не мог выдавить из себя ни да ни нет. Мэри завела его за забор на Оксфорд-стрит, а когда они закончили, убедила дуралея, что в Лондоне за это берут три шиллинга. Потом она обнаружила, что испачкала свое розовое платье-сак ржавчиной, но Куколка сказала, что оно отчистится.

В то изнуряюще жаркое лето они посмотрели все, на что стоило посмотреть в Лондоне. Однажды они даже захватили с собой пару приезжих из Дорсета и отправились в клуб, где, по

словам Мерси Тофт, в танцовщицы брали только индианок или африканок. По правде говоря, им просто хотелось увидеть, как провинциалы будут пялиться на девок. Танцовщицы двигались плавно, как вода. У них были странные имена, вроде Клеопатра, или Шоколадная Бетти, или Черная Сэл. Интересно, подумала Мэри, как их зовут на самом деле.

Иногда они с Куколкой шлялись по Стрэнду и разглядывали витрины книжных магазинов, где были выставлены непристойные картинки. Обе хохотали до упаду.

– Так он ничего не добьется, – говорила Куколка, постукивая пальцем по стеклу. – С такого угла он в нее не войдет.

Они ходили в Бедлам пить горячий шоколад, а потом глазели на решетки больницы: им было интересно посмотреть, как внутри пляшут сумасшедшие. Однажды они видели, как горел дом в Чипсайде. Одна из служанок, спасаясь от огня, выпрыгнула из окна и разбилась о мостовую.

Порой Мэри попадались особенно мерзкие клиенты, так что во рту будто оставался противный привкус, но от этого у нее было вернейшее средство. Выпить еще одну бутылку. Джин смягчал грубость, смывал всю грязь.

– Только так и можно жить, правда, Мэри? – бормотала Куколка.

– Да, моя дорогая. Это лучшая жизнь на свете, – неизменно отвечала Мэри.

Одним из тех немногих, к кому Мэри чувствовала настоящую ненависть, был цирюльник, что жил на нижнем этаже Крысиного замка. Однажды она попросила его вырвать зуб, который причинял ей невероятные страдания – это было в июле, – и цирюльник настоял на том, чтобы вначале она расплатилась. Без этого он отказывался даже вытаскивать свои инструменты. Мэри закрыла глаза и изо всех сил сжала его изнутри, чтобы все поскорее закончилось. Когда он попытался ее поцеловать, ее чуть не стошнило.

К августу Лондон напоминал огромную вонючую подмышку. В Сент-Джеймском дворце королева Шарлотта родила сына.

– А ведь молодой Джорджи всего одиннадцать месяцев как начал над ней работать, – грубовато заметила Куколка.

В один из жарких душных дней Мэри увидела на Стрэнде Мистера Латы, под руку с каким-то старым толстяком, и решила, что стоит попытаться счастья.

– Три шиллинга за двоих, джентльмены, – промурлыкала она.

Молодой шотландец посмотрел сквозь нее, как будто не видел никогда в жизни. Как будто не он нагибал ее над перилами моста прямо среди бела дня, пока чайки подбадривали его своими криками. Мэри захотелось расхохотаться ему в лицо. Старик обернулся. Его толстые пальцы были запачканы чернилами.

– Нет-нет, моя девочка. – Он грустно покачал своей большой головой. – Так не годится.

Мэри подошла на два шага поближе, как будто хотела сделать реверанс, и выбросила вперед руку с отставленным средним пальцем. Лицо старика исказилось от боли. Мистер Латы поспешно потянул его в сторону, и они быстро пошли дальше. Мэри почувствовала себя странно потрясенной.

Ей захотелось догнать старика и спросить его: «Что же еще мне делать? На что еще я гожусь?»

В сентябре, после Варфоломеевской ярмарки, жара начала потихоньку отступать. В один прекрасный день Мэри вдруг поняла, что больше никогда в жизни не хочет видеть мужчину со спущенными штанами.

– Пора отдохнуть, – сказала Куколка. – Давай поедem в Воксхолл.

В тот же вечер мальчишка-лодочник, лет десяти на вид, перевез их через реку на южный берег. На Мэри и Куколке были их лучшие платья-полонез из прозрачного газа. Это был первый раз, когда Мэри увидела Сады. Дорожки окаймляли аккуратные бордюры, невидимые глазу музыканты прятались где-то в деревьях, в стеклянных вазочках таял лимонный шербет.

Мэри и Куколка погуляли по саду, а потом уселись в увитой жимолостью беседке и взяли по чашке чаю. Они здорово забавлялись, разглядывая уродливых лордов и леди. Среди гуляющих они узнали троих воришек-карманников из Крысиного замка – ребята бойко шныряли глазами по сторонам. Орган на высокой деревянной галерее вдруг разразился громоподобной мелодией, и в чернильно-синем небе испуганно заметались вороны.

Потом, гораздо позже, когда музыка смолкла, на улице заметно похолодало. Мэри отправилась искать подругу и обнаружила ее в компании какого-то солдата. Голова Куколки лежала у него на коленях, и она задыхалась от хохота.

– Прошу нас извинить, сэр, – сказала Мэри и потянула ее за руку. – Нам пора домой.

Куколка зевнула и улыбнулась пьяной виноватой улыбкой.

– А у тебя найдется, чем заплатить за двоих? Потому что, если честно...

– О, Долл! Опять! – Мэри выразительно посмотрела на солдата, но тот вывернул пустой карман. Из кармана посыпались крошки.

Вот тебе и отдых, подумала Мэри. Она оставила Куколку с солдатом на скамье и пошла вперед по посыпанной гравием дорожке, туда, где не горели фонари и тропинка переходила в некое подобие лабиринта. Народу было немного, и ей понадобилось целых полчаса, чтобы найти клиента. У него были длинные кружевные манжеты, доходившие до самых кончиков пальцев, и нездоровое, какое-то липкое лицо. Однако Мэри удалось выудить из него два шиллинга. Этого хватило, чтобы заплатить лодочнику за себя и Куколку. К тому же у них еще остались деньги на выпивку.

Все шутки Мэри в ту осень выходили особенно злобными. Куколка прозвала ее Мисс Краб.

– Давай, попробуй с Мисс Краб, – хохотала она, толкая Мэри к какому-нибудь клиенту. – Только берегись ее клешней! Утром можешь проснуться без чего-то важного.

Теперь они уже не прогуливались вдоль реки просто ради удовольствия. Вместо этого Мэри и Куколка нашли укромное место, где они частенько встречались среди дня, передохнуть, обменяться новостями и пропустить по глотку, – тупик за Крысиным замком, где кто-то припрятал кучу кирпичей и щебня, да так и забыл забрать. Там, на куче, они обычно и сидели. В этом же тупике они прятались от ищеек «Общества исправления нравов».

Уличные девицы не боялись констеблей, потому что тем и без них было чем заняться – в городе было полно воров и убийц. Девушка, занятая честным трудом, редко привлекала их внимание. Но «Общество исправления нравов» нанимало крепких парней, единственным занятием которых было клеймить порок, как они это называли. Однажды, в начале октября, Мэри тоже попала в их лапы. Когда по Севен-Дайлз разнеслась тревога – «Исправители! Чертовы исправители идут!» – она как раз заканчивала «ручную работу» с одним пуговичным мастером, в подворотне на Нилз-Ярд. Мэри попыталась убежать, но ищейки перехватили ее в глубине двора, отрезав путь. У них были палки с металлическими наконечниками, и они очень быстро бегали. Ищейки всячески обличали клиентов, обзывали их грешниками и развратниками, но арестовывали только девушек. Мэри оказалась одной из двадцати мисс, угодивших в ловушку. Опасаясь палок, она решила не сопротивляться и вести себя тихо.

Куколки в толпе на Севен-Дайлз не было. Мэри радовалась, что подруге удалось сбежать, но в то же время сейчас она не отказалась бы от компании. Среди шлюх быстро пронесся слух, что их собираются отправить в тюрьму, и она почувствовала, как горло сжимает спазм паники. Некоторые из девушек, те, что были попьаннее, уже начали рыдать.

Куколку она услышала еще до того, как увидела.

– Уберите от меня свои поганые лапы, вы, подлые ублюдки!

Трое констеблей-«исправителей» тащили упиравшуюся Долл Хиггинс по Мерсер-стрит. Ее тело в их крепких руках трепыхалось, как парус на ветру. Корсаж платья был разорван, из

него выглядывала одна сливочно-белая грудь, а на подбородке у Куколки красовался свежий кровоподтек, но она всю наслаждалась происходящим.

– И вы еще называете себя христианами?! – вопила она. – Да не смешите меня!

Мэри всерьез испугалась. Для собственной безопасности Куколке следовало остановиться, но она уже разошлась на полную катушку.

– Здесь есть девочки, кому еще и тринадцати нет! – Она показала пальцем на Мэри и незаметно подмигнула ей. – Вот эта худышка – да ей всего двенадцать! И она едва ли неделю как вышла на улицу, бедняга. Неужели вы и ее потащите в Брайдуэлл, вы, грязные псы!

Главный «исправитель» медленно, вроде как с почтением, подошел к Куколке и ударил ее в лицо. Мэри услышала, как хрустнули костяшки его кулака. Куколка замолчала и выплюнула на ладонь кусочек зуба.

Однако ночевала Мэри все же дома. Молоденьких девушек отпустили, но тех, кого в «Обществе исправления нравов» называли «тяжелый случай», заковали в кандалы и повели в тюрьму Брайдуэлл в Блэкфрайарс.

Два дня Мэри не выходила на улицу, разве что спросить, не слышно ли чего нового. Она сидела в комнатухе на чердаке, грызла ногти и ждала. Говорили, что иногда девушки возвращаются из Брайдуэлла с разрезанным надвое носом – чтобы на лице навсегда осталась отметка об их преступлениях.

На третье утро Куколка Хиггинс ввалилась в комнату. Ее спина была исполосована плетью, но нос был так же нахально вздернут, как и всегда.

– Ты пропустила настоящее приключение, детка, – сказала она.

Мэри промыла ее раны джином.

В эти дни Куколка много пила и, по всем признакам, уже начинала сдавать. Шрам, дерзко рассекавший ее щеку в те времена, когда юная Мэри Сондерс исподтишка искала глазами красивую шлюху с Севен-Дайлз, теперь глубоко впивался в ее кожу, словно унылая дорожная колея. Мэри пыталась заставить подругу плотно есть хотя бы раз в день, но у Куколки не было аппетита; ее тянуло только к старой доброй «голубой смерти». Мэри боялась, что она закончит как та женщина, которую они видели однажды на Флит-Дитч. Спотыкаясь, она плелась по улице и искала своих детей. Потом она поскользнулась на требухе, что обронили торговцы, и упала. Прошлой зимой Куколка, словно стена, стояла между Мэри и всеми бедами мира, но теперь скорее Мэри присматривала за старшей подругой и по мере сил ограждала ее от злоключений. Теперь уже она помогала Куколке взобраться на верхний этаж Крысиного замка в четыре часа утра. Ступеньки под ними кряхтели и стонали, словно готовы были развалиться в любую секунду.

Более того, Куколка стала нарушать свои собственные правила. Она начала закладывать свои платья. В день платы за комнату она частенько оказывалась без гроша. И если у Мэри не хватало денег, чтобы заплатить за обеих, Куколка прихватывала шаль или корсаж, шла в лавочку на Монмут-стрит и возвращалась довольная.

– Снова богачка, – хвастливо говорила она.

На все упреки Мэри она отвечала, что шелков и атласов у нее более чем достаточно и она вполне может продать пару вещичек, добра от этого не убудет. Никогда в жизни Мэри не слышала ничего более глупого. Даже матросы понимали, как много значит одежда; не зря они, когда хотели наказать шлюху за полученный сифилис, резали все, что на ней было, на узкие полоски.

Иногда Мэри удавалось выкупить вещи Куколки обратно по двойной цене. Но та этого даже не замечала.

– Одежда – главное богатство девушки, разве нет? Ведь ты сама меня этому учила.

Но Куколка только смеялась и говорила, что голой она выглядит лучше.

Однажды в кабачке у братьев Ройл Куколка упомянула, что ей только что исполнилось двадцать два.

– Когда? – спросила Мэри. Она подумала, что Куколка врет, чтобы Ройлы налили ей бесплатно.

– Вчера.

– Ты ничего не говорила.

Куколка пожала плечами:

– Я была навеселе. Только сейчас вспомнила.

Ник Ройл, однако, был страшным скрягой, поэтому он всего лишь поднял стакан и предложил тост в честь новорожденной.

– Никаких тостов, – сказала Куколка и ударила его по руке.

Сидр пролился прямо Нику в рукав; его брат сунул ткань в рот и принялся сосать ее, словно ребенок соску. Мерси Тофт захохотала как сумасшедшая.

– Что на тебя нашло? – прошипела Мэри.

– Никаких тостов, – мрачно повторила Куколка. – Забудь, что я сказала. Мы и без того слишком быстро движемся к могиле.

При свете свечей она была так же прекрасна, как всегда, но дневной свет безжалостно обнажал ее потускневшее, истасканное лицо. Мэри приходилось видеть и тридцатилетних шлюх, которые продавали себя за два пенса; одна из таких несчастных была наполовину безумна от ртути – она принимала ее как лекарство от сифилиса. До сорока не доживал никто. Сама Мэри решила, что бросит ремесло в двадцать, не позже. Она дала себе твердое слово.

Это означало, что у нее есть еще пять лет, а пока что Мэри тратила каждый свободный пенни на одежду. Ей казалось, что это единственное, во что можно верить. Платья были так же надежны, как деньги, но куда красивее и приятнее на ощупь. Они делали женщину прекрасной, а других заставляли умирать от зависти. По воскресеньям она ходила в Гайд-парк, посмотреть, что носит знать. Ее наметанный глаз отмечал малейшие детали: крохотные складочки, пуговицы, чуть изменившуюся форму в новых моделях фижм. Однажды она едва не силой вытаскала Куколку из постели и взяла ее с собой, но все окончилось непристойной сценой в парке. К тому же Куколка напугала лошадей одного баронета.

Мэри уже не помнила, что когда-то была застенчивой и робкой. Теперь она могла сцепиться с самой вздорной торговкой и выйти из ссоры победительницей. Ее острого языка опасались все лавочники от Севен-Дайлз до Пьяцца Ковент-Гарден. Ночью, когда не удавалось уснуть, Мэри успокаивала себя тем, что мысленно перебирала свои наряды. У нее были рукава, корсажи, рюши, вышитые стомакеры, коричневое бархатное платье-мантуя и накидка. Еще среди ее сокровищ числились гирлянда из шелковых маргариток, черная бархотка и два шелковых платья-полонез, фиолетовое и темно-зеленое. Она научилась у Куколки всему, что та могла дать, но у Мэри был более тонкий вкус. Кроме одежды, у нее были еще и четыре ярда поплина цвета устрицы, который она приобрела по дешевке в ломбарде. Его Мэри приберегала для лучших времен. Когда-нибудь она сошьет из него платье, за которое любая герцогиня отдаст передний зуб.

Ей обязательно подвернется что-нибудь хорошее – ей и Куколке. Мэри была в этом уверена. Что толку беспокоиться о будущем, если конец может наступить быстро и неожиданно? Несколько дней назад ветер сорвал тяжелую вывеску с «Голубого льва», и она упала прямо на голову Тилли Дентон. Суtenerом Тилли был Цезарь, и он устроил ей вполне достойные похороны. С этим согласились все проститутки, которые пришли на кладбище проститься с Тилли – не столько из уважения к товарке, сколько из страха перед Цезарем. Все знали, что если тебе дорога собственная шкура, Цезарю лучше угождать. Но хорошие похороны – довольно слабое утешение, решила Мэри, если ты лежишь в могиле и тебя едят черви.

Кашель начался в октябре, когда пришли первые заморозки. Поначалу Мэри не обратила на него внимания. Но вскоре кашель стал ее постоянным спутником. Он сдавливал грудь, когда она поднималась по лестнице или шла вверх по улице, не отставал весь день и усиливался ночью.

– Да замолчи же, – стонала Куколка и прятала голову под тощий матрас.

У Мэри всегда был низкий голос, но теперь он огрубел и в нем появилась неприятная хрипотца, похожая на рычание. Некоторые клиенты этого пугались, поэтому она старалась меньше говорить и больше улыбаться.

Все знаки указывали на то, что их ожидает самая суровая зима за много лет, – и птицы, и ягоды, и кофейная гуща у предсказателей.

Обратиться в больницу Святой Марии Магдалины придумала Куколка. Она вообще была большая придумщица.

– Мэри, дорогая моя подружка, – сказала она как-то раз. – Зиму тебе не пережить.

Они шли по Друри-Лейн, кланяясь актерам и строя глазки всем попадавшимся навстречу объектам в штанах. Юбки Мэри были подобраны с одной стороны, чтобы обозначить род ее занятий, и под ними гулял ледяной ветер. Сильный приступ кашля вдруг согнул ее пополам. Откашлявшись, Мэри заметила, что харкнула кровью. Желтый с красным сгусток мокроты отчетливо выделялся в чавкающей уличной грязи. В мире не осталось ничего, кроме уродства. Она устала на дороге, словно перед ней внезапно предстало ее будущее.

Куколка развернулась. Ее руки, упершиеся в бока, напоминали когти голодных хищных птиц.

– Ты должна пойти в больницу Марии Магдалины, вот что.

– Спасибо большое, я не настолько больна, чтобы рисковать жизнью, – с трудом выговорила Мэри.

– Да это не настоящая больница, глупая! – фыркнула Куколка. – Она просто так называется. На самом деле они подбирают молоденьких девушек с улицы, пока они не превратились в таких заезженных старых шлюх, как я.

Мэри улыбнулась и вытерла рот.

– Подумай только, – не отставала Куколка. – Кров над головой и бесплатная пища всю зиму. Лиз Паркер ушла туда мешком с костями, а вернулась жирной, как окорок.

Мэри попыталась что-то сказать и снова закашлялась.

– Куколка моя, я не кающаяся грешница, – отдышавшись, проговорила она.

Куколка закатила глаза и ткнула пальцем в здание театра на Друри-Лейн.

– Значит, ты так и не научилась ничему за все те разы, что я таскала тебя в театр?

Поднялся сильный ветер. Мэри спрятала рот и нос в свою косынку из тафты и направилась к дому.

Куколка догнала ее и пошла рядом.

– Ну признай, что так будет лучше всего.

– Я подумаю, – пообещала Мэри, сдерживая кашель.

– Ты так и сделаешь, и точка. Я тебя заставлю. Пусть эта ночь станет моей последней, если не заставлю, – торжественно заявила Куколка.

Мэри остановилась и в упор посмотрела на подругу.

– А как же ты?

– А что я?

– Как же плата за комнату? – Мэри не знала, как еще это сказать. – Миссис Фаррел не любит нас, мисс. Если ты не заплатишь вовремя, она тут же тебя вышвырнет.

Куколка пронзила ее ледяным взглядом и вдруг пододвинулась совсем близко, так, что ее лицо оказалось всего в дюйме от лица Мэри. Мэри опустила глаза, чтобы не видеть шрам с резными, словно кружево, краями, присыпанный белой пудрой.

– Не волнуйся за Долл Хиггинс, дорогуша. И помни, это я была тебе нужна, а не ты мне.

Так и вышло, что в первый четверг ноября Мэри встала пораньше и стерла с лица всю краску. Внутри все словно стянулось в тугий узел – так ее пугал поход в Уайтчепел.

– Спокойной ночи, – пробормотала Куколка, не отрывая головы от подушки.

Мэри не знала, что сказать. Она помахала рукой на прощание, но глаза Куколки были закрыты, и она этого не увидела.

Раньше Мэри никогда не приходилось настолько удаляться от дома. Ей пришлось спрашивать дорогу до больницы-приюта Марии Магдалины три раза, и все три раза ей казалось, что жители Ист-Энда посматривают на нее как-то вопросительно. Странное дело – притворяться кающейся грешницей было гораздо стыднее, чем быть шлюхой.

Больница выглядела внушительно – массивное каменное здание. У входа выстроилась длинная очередь из просительниц, она даже заворачивала за угол. Здесь было не менее сорока девушек, и Мэри оказалась где-то в середине. Окна нижнего этажа были закрыты ставнями, – возможно, чтобы просительницы не видели, что происходит в доме, подумала Мэри. Вдоль очереди прохаживался мужчина в своего рода форменной одежде – он присматривал за порядком. Судя по виду, это был слуга, но девушки все равно кланялись, когда он проходил мимо, на случай, если он вдруг окажется важной персоной.

Мэри плотнее завернулась в шаль и подвинулась чуть ближе к перилам. Уж не Кон ли это Марч из Трущоб? Она украдкой подмигнула ей, но Кон отвела глаза.

Было холодно. Мэри переминалась с ноги на ногу; ее дыхание поднимало в воздухе облака пара. Приступ кашля, сильный, как землетрясение, едва не сбил ее с ног. Хорошо, что она привыкла стоять на улице на самом ветру. Ей было хорошо знакомо это чувство – когда ступни как будто врастают в ледяные булыжники мостовой, пускают в нее корни. И разве не случалось ей отдаваться клиенту, прислоняясь к мертвенно-холодной стене? Иногда Мэри даже соглашалась на девять пенсов, только бы сделать это не на улице, а внутри.

Чтобы немного развлечься, она принялась разглядывать других просительниц. Девушка в рваном карминово-красном платье, отделанном кружевами, несомненно, из ковент-гарденских мисс. А у той, что стоит вслед за ней, кажется, сифилис. Куколка говорила, что если они замечают болезнь, то отправляют девушку в больницу Лок-Хоспитал, где еда – хуже не придумаешь.

Мэри пробежалась глазами по очереди, отделяя мисс от «соблазненок». («Так мы называем «честных» девушек, – презрительно сообщила Куколка. – Если будут спрашивать, говори, что ты была чиста, как первый снег, пока один джентльмен не воспользовался твоей наивностью».) От «соблазненок» так и веяло стыдом и отчаянием. На шее у одной из них висел маленький жемчужный крестик, и она все время сжимала его в руках, как будто ожидала, что вот-вот переедет в лучший из миров.

Из-за туч выбралось жидкое ноябрьское солнце. Хорошо было бы надеть соломенную шляпку, подумала Мэри. Но у нее была всего одна шляпа, ярко-красная, со сломанным пером, и Куколка сказала, что с девушкой в такой шляпе они не будут даже разговаривать. Поэтому Мэри с сожалением оставила ее в комнатке на чердаке, вместе с другими своими любимыми вещами. Не то чтобы она не доверяла своей единственной подруге, скорее опасалась воров, или пожара, или еще какого-нибудь из тысячи несчастий, что могли отнять у нее ее сокровища.

Выбирая наряд этим утром, Мэри никак не могла решить, что лучше: одеться приличной «соблазненной» или бедной и несчастной? Она надела самый простой жакет и самую скромную юбку, но все равно теперь ей казалось, что на ней словно лежит печать мисс. Может быть, дело в атласных туфлях с ободранными носами? Или в том, как она стоит – слишком профессионально выставив вперед бедро? Мэри уже забыла, как выглядит невинность. Она постара-

лась припомнить себя в школьные времена: скромная девочка с чистым, словно лист бумаги, лицом. Бесплезно. Прошлое ушло, словно его и не было.

По очереди пробежала рябь. Крохотная, худенькая проститутка в рваном платье-поло-нез вдруг лишилась чувств и рухнула в канаву. Мэри вывернула шею. После некоторого колебания сразу пять женщин бросились ей на помощь. Интересно, они пытаются показать свое добросердечие? – подумала Мэри. К девушке подошли два швейцара в пышных серых париках, погрузили ее на носилки и понесли внутрь. Мэри заметила, что губы у нее совсем синие. Огромные тяжелые двери пропустили процессию и снова захлопнулись.

– Вот это умно, – пробормотала женщина с впалой грудью, стоящая впереди. – Добилась своего, хитрюга.

Мэри улыбнулась и собралась ей ответить, но очередной приступ кашля снова согнул ее пополам, так что в легких совсем не осталось воздуха. И правда, хитрая уловка – без чувств свалиться в канаву. Почему она не додумалась до этого сама? Куколка бы додумалась. Да, будь с ней Долл Хиггинс, бояться было бы нечего.

– Почему бы тебе не пойти со мной? – взмолилась она утром, когда одевалась.

Но Куколка вытянулась на комкастом соломенном матрасе и испустила свой особенный горловой смешок.

– Сначала пусть поймают. Чтобы меня заперли – да по доброй воле я ни за что на такое не соглашусь.

О замках Мэри старалась не думать. Она напонила себе, зачем она здесь: подлечить кашель. Подкормиться бесплатной едой. Укрыться от непогоды в лютую зиму. Больница Святой Марии Магдалины была единственным местом во всем Лондоне, куда могла податься девушка вроде нее. И все, что от нее требуется, – это убедить благодетелей в том, что ей стыдно и она раскаивается. Это все, о чем они просят.

Ее рот наполнился горькой слюной. Мэри вдруг захотелось бросить свое место в очереди, где она простояла уже четыре часа, развернуться и отправиться домой. А по дороге зайти в «Чеширский сыр» на Флит-стрит и выпить пинту пива. Однако, представив себе, в какую ярость придет Куколка, она не посмела уйти.

– Все, что тебе надо, – это опустить пониже голову и продержаться так пару месяцев. И тем самым спасти свою чертову шкуру, – сказала Куколка под конец их спора. – Ты когда-нибудь слышала о более выгодной сделке?

По очереди прокатился слух, что берут только одну девушку из пяти. Мэри жала губы.

Чуть позже поступило еще одно сообщение: «Им нравится, когда девушка босая». Девушки начали снимать туфли и выбрасывать их в канаву. Женщина, стоявшая впереди, была и так босиком; ее пальцы белели в грязи, словно черви. Мэри взглянула на свои атласные туфли на каблуках. Она заплатила за них целых пять шиллингов на Варфоломеевской ярмарке, и тогда они были почти чистыми. Будь она проклята, если выбросит их – до тех пор, пока в них не появится хотя бы одна дырка.

Очередь медленно продвигалась вперед, к массивным дверям с дубовыми панелями. Мэри прислушалась к разговорам. Нужно придумать историю, поняла она. Достойную и трогательную. Что-то такое, что они смогут записать в свои книги. Сразу три женщины подряд – и все три мисс с Друри-Лейн – решили назваться горничными, которых хозяин соблазнил обещанием жениться. Другие брали сюжеты из баллад, французских романов и даже из недавнего судебного процесса. Все матери, разумеется, умерли в родах, а отцы ушли в море и не вернулись.

Единственную честную историю выдала та самая женщина, что стояла впереди Мэри. У нее почти не было зубов – видимо, от ртути; и Мэри подвинулась ближе, чтобы разобрать, что она говорит. Без всякого притворства женщина сказала, что всю жизнь уютжила улицы, но теперь, в ее возрасте, она уже не в состоянии заработать себе на хлеб.

Молодой секретарь бросил на нее ледяной взгляд.

– И это все, что вы можете сказать в свое оправдание?

Она устало кивнула.

Секретарь вытер перо и написал что-то в огромной амбарной книге в кожаном переплете.

– *Прошение отклоняется*, – прочитал он. – *Просительница слишком закоренела в грехе и не может быть перевоспитана.*

Старая проститутка плюнула ему под ноги и побрела прочь.

Сердце Мэри бешено забилося. Ее очередь. Она попыталась закашляться, чтобы показаться более несчастной, но смогла только прочистить горло.

– Имя?

– Мэри Сондерс. – Слова сорвались с ее губ до того, как она сообразила, что можно солгать.

Услышав ее низкий хриплый голос, секретарь удивленно поднял голову. Мэри быстро сделала реверанс, чтобы смягчить впечатление. Второй секретарь, постарше, записал ее имя в нужную графу.

– Возраст?

– Пятнадцать лет, – кротко сказала Мэри. Это была правда, но звучало почему-то как ложь. Возможно, четырнадцать было бы лучше.

– Причина обращения?

– Если бы вы были так добры, сэр... напишите все, что сочтете нужным, сэр, – прошептала она.

Секретарь помолчал и начал писать.

– *Глубокоуважаемые управители*, – пробормотал он. Перо быстро скользило по бумаге. – *Данная просительница признана виновной в проституции и полностью осознает свое преступление. Она выражает глубокое раскаяние в содеянном и полна желания начать новую жизнь.*

Мэри с облегчением перевела дух. Сработало.

Хуже всего был хирург. Заведя Мэри за тоненькую занавеску, он приказал ей лечь на спину и без всяких церемоний воткнул в нее свои пальцы.

– Чтобы установить состояние здоровья, – буркнул он.

Разумеется, за удовольствие он не заплатил ни пенни. К тому же у него были на редкость отворотительные руки – сплошь покрытые бородавками.

– Зуд? Выделения? Беловатые или желтые? Затруднения с мочеиспусканием?

– Ничего подобного, сэр, – ответила Мэри так, будто и понятия не имела, о чем он говорит.

Он ей не поверил – Мэри поняла это совершенно ясно. Бормоча что-то себе под нос, хирург продолжил копаться у нее между ног. Впрочем, она была уверена, что от ее старой болезни не осталось и следа. Мэри овладело искушение ударить противного врача в нос ногой, но она подумала, что это не лучший способ получить место в Святой Магдалине. Наконец хирург выпрямился и заглянул ей в рот – видимо, чтобы обнаружить шрамы от ртути, решила Мэри. Слава богу, что у нее никогда не было сифилиса. Скрыть эту болезнь было гораздо труднее, чем триппер.

У нее было такое ощущение, что ее непременно примут. В воздухе так и витал запах удачи.

Неделю спустя Мэри лежала на узкой кровати в своей палате и изо всех сил старалась напомнить себе, что ей сказочно, невероятно повезло. Почему же тогда ей все время хотелось плакать?

Если бы она протянула руку, то могла бы коснуться кровати Онор Бойл, которая спала рядом. Онор была родом из Девона. Раньше она работала на Пьяцца, но потом выкинула мерт-

вого ребенка и почувствовала неодолимое отвращение к своему ремеслу. Онор была неплохой девчонкой, но, конечно, до Долл Хиггинс ей было далеко. Эта палата предназначалась для «культурных» мисс. Все они умели написать свое имя. Впрочем, не сказать, чтобы это умение требовалось им особенно часто.

Мэри слышала шаги в коридоре. Сестра Батлер. У смотрительницы были печальные глаза и такой высокий выпуклый лоб, как будто ее голову распирали грустные знания об этом мире и жизненный опыт. Она не доверяла ни одной из мисс, и, по мнению Мэри, это означало, что сестра Батлер далеко не дура. Сочувствие она приберегала для несчастных «соблазненков»; те иногда получали от леди-попечительниц корзину с фруктами и имели лучшую палату в Магдалине, с прекрасным видом на Гудмэнз-Филдс и холм Тауэр-Хилл.

Мэри пропустила Ночь Гая Фокса. Она не выходила наружу уже семь дней. Семь дней солнечные лучи не касались ее кожи – разве что через оконное стекло.

Больница Святой Магдалины была самым большим зданием из тех, где Мэри приходилось жить. И самым чистым. Как бы тщательно она ни прислушивалась, лежа на своих отбеленных простынях в вылизанной палате, ни один посторонний звук не долетал до ее ушей – только изредка шуршание крысы. Никакая грязь и суэта внешнего мира не могла пробиться сквозь огромные двери Святой Магдалины. Ни новости, ни шум большого города. Это был особый, отделенный от всего безмолвный мир. Монастырь. Или клетка.

Кающиеся грешницы каждый день молились в церкви при больнице, по воскресеньям – дважды в день. Службу вел преподобный Доддс. Насчет одежды сестра Батлер объяснила, что в их costume не должно быть ничего лишнего, никаких отступлений ради красоты, никаких отличий друг от друга – словом, ничего, за что мог бы зацепиться взгляд пришедшего с визитом попечителя. У всех девушек были одинаковые туфли на низких каблуках, одинаковые шерстяные чулки. Ничего цветного; даже тускло-зеленые подвязки должны были быть скрыты отворотом чулка. На каждую полагалось две стеганные льняные нижние юбки и одна простая, ни больше ни меньше. Платья были из тонковатой шерстяной саржи цвета пыли, передники из отбеленного, оттенка бараньей кости, полотна. Рукава, которые они прикалывали к платью каждое утро, имели оборку у локтя. Один-единственный ряд, чтобы не поощрять суетность. Длинные митенки, кошельки, игольники – все совершенно одинаковое. Благопристойность превыше всего: льняная косынка заправлялась в корсаж, чтобы не было видно ни дюйма кожи, а чепец полностью скрывал голову. Волосы они должны были собирать в низкий гладкий пучок, без единого локона.

Серый цвет вызывал у Мэри неодолимое отвращение, во рту постоянно стоял мерзкий привкус пепла. Ночью она закрывала глаза и представляла, как идет по Стрэнду в своей самой алой стеганой юбке. Просыпаясь утром, она касалась своего ненакрашенного лица, и кожа казалась ей сухой и жесткой, словно старая бумага.

Тем не менее Мэри понимала, что должна благодарить судьбу. Мясо и зелень в девять и в час каждый день; никаких пряностей, потому что «пряная пища может возбудить женскую сущность», как сухо пояснила смотрительница, но все же это была полноценная еда, и к тому же бесплатная. Обитательницы Магдалины должны были читать молитвы до и после вкушения пищи, но к этому Мэри привыкла еще в школе. При желании она могла бы пересказать наизусть весь молитвослов. Чай был не настоящий, вместо него давали настой шалфея, но, по крайней мере, напиток был горячим. Когда в самый первый день для Мэри за обедом заполнили целиком тарелку, она подумала, что столько еды полагалось на целую семью Дигот – давным-давно, в подвале на Черинг-Кросс-Роуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.